

Глава 2. Историография

Историография Смутного времени

В русской историографии начала XIX в. утвердился стереотип Смуты как польско-шведской интервенции (что будет впоследствии воспроизводиться в советских и некоторых современных российских школьных учебниках истории). В приложении к монографии В. Берха об истории царствования Михаила Федоровича приводятся идеологические документы, выработанные в начале царствования Романовых, осуждающие шведов — оккупантов и разорителей Новгорода: «И оплоша разговоры и ссылками, Новгород за ссылкой и крестным целованием взял, и многую крестьянскую кровь полили, и монастыри и церкви Божии разорили, больши семьдесят одних монастырей опричь мирских церквей, а мирских церквей больши 1500 без Божия пения учинили. И образы многих святых осквернили, и дворы всяких людей пожгли... И ныне в Новгороде и во всех наших городех, Митрополита Исидора и боярина и воеводу князя Ивана Одоевского держит в неволе, и Новгородское государство и ноугородцкие пригороды и уезды разоряют и пустошают»¹. В начале XX в. Г. А. Замятин убедительно показал, что данная сентенция была подготовлена в московских приказах уже после избрания на царство Михаила Романова и не отражает, к примеру, впечатлений, полученных о Новгороде в 1612 г. С. Л. Татищевым и П. И. Секириным².

Монография Н. П. Лыжина, посвященная установлению мира между Москвой и Швецией и основанная на материалах архива Посольского приказа, была написана в этом же русле историографии: Москва абсолютно права во всех своих действиях, а шведы с 1611 г. стремятся оторгнуть от русской земли тот или иной кусок. Старорусский же воевода кн. А. К. Шаховской, служивший на этом посту с 1612 по 1617 г., должен считаться предателем³.

Несколько более сухой и объективный взгляд на позицию Шведского королевства в Смутное время высказал в своем богатом источниковой базой исследовании Г. В. Форстен⁴. Действительно, целью Карла IX с 1605 г. являлось проникновение на территорию

¹ *Берх В.* История Михаила Федоровича. Ч. 2. СПб., 1832. Приложение 15. Грамота царя Михаила Федоровича к французскому королю от мая 1615 г. С. 116–159.

² *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.). Юрьев, 1913. С. 85–87.

³ *Лыжин Н. П.* Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857.

⁴ *Форстен Г. В.* Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Февраль. С. 325–349; сентябрь. С. 185–213.

Московского государства⁵. Однако в 1605 г., в связи с занятием Лжедмитрием I Московского престола, шведский король впервые обратился к новгородцам с посланием, обличающим политику римского папы, сеющего Смуту в России⁶. Основным принципом политики Карла IX, по Форстену был *Utilitätprinzip*⁷. 30 августа 1609 г. король так писал Эверту Горну: «Нам всего важнее – собственная польза, а потому и следует позаботиться о вознаграждении за все понесенные нами убытки в настоящей войне»⁸. Карл IX действительно постоянно побуждал своих военачальников к активным действиям по захвату русских крепостей. Его преемник, Густав Адольф, в целом продолжал политику отца. В 1614 г. молодой шведский король принял решение лично отправиться на войну. Обозрев занятые шведами земли, Густав Адольф, как считал Г. В. Форстен, принял решение уступить Москве наиболее разоренные уезды Новгорода, Ладоги, Порхова и Старой Руссы.

Ситуация в историографии изменилась к началу XX в. В 1913 г. в империи помпезно отмечалось 300-летие царствования дома Романовых. В том же году в Дерпте, переименованном Александром III в Юрьев, вышла монография Г. А. Замятина «К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.)»⁹, где автор, уже заявивший о себе как о ярком источниковеведе¹⁰, последовательно проводит мысль о том, что кандидатура М. Ф. Романова была не главной на Соборе февраля 1613 г. и что ранее, летом 1612 г., важнейшие лица Второго ополчения, включая князя Дмитрия Пожарского, поддерживали идею избрания на Московский престол шведского принца (эта идея была сформулирована еще в Первом ополчении). Замятин критиковал не только официальных идеологов Романовского царствования — от московских бояр 1615 г. до своих современников, но и С. Ф. Платонова, сомневавшегося в легитимности Совета всей земли 1611 г. и в его правомочности выбирать царя (во всяком случае, и на Соборе 1613 г. новгородцы представлены не были). Основным источником для исследований Г. А. Замятина послужила коллекция «Шведские дела» из бывшего архива Посольского приказа (ныне ф. 96 РГАДА). Русские документы шведских архивов были ему знакомы только по конспективным публикациям К. Якубова. Однако ученому удалось воссоздать точную картину переговоров новгородцев с Первым и Вторым ополчениями и продвижения идеи избрания шведского

⁵ Уже после Тявзинского мира и начала династической борьбы в Шведском королевстве проблема коридора между Выборгом и Нарвой стояла очень остро.

⁶ *Форстен Г. В.* Политика Швеции... С. 329.

⁷ Там же. С. 345.

⁸ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI-XVII столетиях (1544-1648). Т. 1. СПб., 1893. С. 85.

⁹ *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа...

¹⁰ *Замятин Г. А.* Новый летописец о сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 году (отд. оттиск. из ЖМНП. С. 63–87).

принца на московский престол. Причину занятия Новгорода шведами Замятин видел не в вероломстве последних, а в саботаже переговоров с Делагарди чашником Бутурлиным¹¹, который, как известно, во время взятия шведами острога на Софийской стороне разграбил ряды на Торговой стороне и ушел из Новгорода на Бронницы. Подчеркнул Замятин и то, что никаких сведений в документах московского происхождения о разорениях, чинимых шведами в Новгороде, не найдено. Описание состояния Новгорода и православной церкви в нем, данное послом из Ярославля С. Л. Татищевым было вполне благоприятным. Уже в первой своей монографии Замятин поставил вопрос о генезисе оппозиции шведам в Новгороде. По всей вероятности, вызвана она была разочарованием новгородцев в не приехавшем в город Карле Филиппе и военными поражениями под Тихвином и Старой Руссой в 1613–1614 гг. Как заметил Г. А. Замятин, лица, которых в 1615 г. посланный из Новгорода в Москву Я. М. Боборыкин перечислял как наиболее преданных слуг царя Михаила Федоровича в занятом шведами городе, стояли у руля власти в Новгороде в 1611-1615 гг.

В заключительной части книги Замятин привел жизнеописание Якова Боборыкина, новгородского дворянина, заподозренного в промосковской позиции, даже приговоренного к смерти, но успешно ее избежавшего и во время переговоров в Дедерине перебежавшего на сторону Москвы¹². Очерк о Я. М. Боборыкине был написан ученым по его челобитной, поданной в 1622 г. и составившей особое дело в коллекции «Шведских дел»¹³. Замятин не проследил дальнейшую судьбу Боборыкина, хотя известно, что он оказался на службе в Москве, был зачислен в московский список и служил судьей Поместного приказа.

В 1915 г. ученый побывал в Швеции. Ему удалось познакомиться с документами об избрании Карла Филиппа, хранящимися в Государственном архиве Швеции¹⁴. Вторая монография Г. А. Замятина, также подготовленная в Юрьевском университете, осталась неопубликованной из-за начавшейся Гражданской войны. Рукопись ее хранится в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. В этой работе Замятин более подробно рассмотрел последовательность установления шведской власти в Новгороде, а также во-

¹¹ Там же. С. 18.

¹² Там же. С. 122, прим. 2. Г.А.Замятин ссылаясь на «Дело по челобитью новгородского дворянина Якова Боборыкина о даче ему жалованья за службы его в бывшую со шведами войну к Российскому государству показанные», архивный шифр которого в начале XX в. был следующим: МГАМИД, Шведские дела 1616. № 12. Св. 15.

¹³ Дело по челобитью новгородского дворянина Якова Боборыкина о даче ему жалованья за службы Московскому государству. 1616–1623 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 12.

¹⁴ Коваленко Г. М. Герман Андреевич Замятин (1882-1953) // ИЗ. Т. 9 (127). М., 2006. С. 364-373.

прос о взаимоотношении шведов и новгородских властей. Более детально он изучил проблему формирования антишведской оппозиции в Новгороде, а также способы сбора информации как шведами, так и москвичами с помощью лазутчиков, вербовку сторонников обоими враждебными лагерями среди новгородцев. Так, в 1615 г. подьячий Григорий Собакин разослал лазутчиков из Старой Руссы «по Моншину приказу» (т. е. по прямому указанию секретаря М. М. Пальма), а строитель Ивановского монастыря близ Ладоги Варсонофий, к которому князь Данило Мезецкий с товарищами отправил в 1616 г. «для вестей» крестьянина Ларку Федорова, сообщил Ларке: «слухом» он, строитель, слышал, «что Яков Пунтусов из Новагорода июля в 8 день в понедельник разослал по государевым городам для вестей лазутчиков русских людей...»¹⁵. В этой монографии Замятин поместил еще один биографический очерк, на этот раз посвященный Никите Калитину, одному из наиболее последовательных сторонников шведов, в чем-то авантюристу, 2 июля 1620 г. принятому в шведское дворянство. После Гражданской войны Замятин остался в СССР. Стремившийся продолжить исследование выбранной им раз и навсегда научной темы, он был оторван от важнейших источников, хранившихся в заграничных – шведских и эстонских архивах. Г. А. Замятину принадлежат еще две небольшие работы, опубликованные уже в 1950-х гг. — о военных действиях в Поморье в 1612–1614 гг.¹⁶ и об осаде Пскова Густавом Адольфом в 1615 г.¹⁷. Творческий путь Г.А.Замятина рассмотрен в специальной статье Г.М. Коваленко¹⁸.

Особый концептуальный взгляд на Смутное время с оригинальной периодизацией был сформулирован С. Ф. Платоновым в фундаментальной монографии, выдержавшей бесчисленное количество переизданий¹⁹. Однако более свободный и точный очерк, характеризующий взаимоотношения русской и соседних культур в XVI–XVII вв., был опубликован С. Ф. Платоновым в 1926 г.²⁰ Платонов пишет о русских западниках, начиная с XVI в., в том числе о вынужденных эмигрантах — Федоре Писемском, братьях

¹⁵ *Замятин Г. А.* Из истории борьбы Польши и Швеции за Московский престол в начале XVII столетия. Падение кандидатуры Карла Филиппа на Московский престол и воцарение Михаила Федоровича. Юрьев, 1918 // СПБИИ. Ф. 276. Оп. 2. Д. 90. С. 76.

¹⁶ *Замятин Г. А.* Походы шведов в Поморье в начале XVII века // УЗ Молотовского ГПИ. Вып. 2. Молотов, 1951. В Молотове Замятин находился с 1938 г.

¹⁷ *Замятин Г. А.* «Псковское сиденье» (Героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г.) // ИЗ. Т. 40. 1952. С. 186–213.

¹⁸ *Коваленко Г. М.* Герман Андреевич Замятин...

¹⁹ *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. Издание 5-е. СПб., 1995.

²⁰ *Платонов С. Ф.* Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1926.

Лыковых²¹. Важным аспектом московской политической жизни конца XVI в. Платонов считает негодование «московских националистов» в адрес Грозного, а позднее — в адрес Бориса Федоровича Годунова²². С. Ф. Платонов яркими мазками написал портреты еще двух западников — выдающихся фигур Смуты. Первый — дьяк Иван Тарасьевич Грамотин, в годы Смуты выучивший польский язык, при Гонсевском именовавшийся «милостивым паном». В молодости Грамотин служил подьячим, ездил в Германию, Чехию, Гамбург, Любек и другие страны и города, а в 1610–1611 гг. показал себя как открытый сторонник Сигизмунда III. Однако при Романовых он вернулся на службу, служил до 1635 г., дожил до глубокой старости²³. Вторым героем Платонова стал князь Иван Андреевич Хворостинин, «первая ласточка московской культурной весны». Будучи (как, впрочем, и многие из романовского круга) активным сторонником Тушинского лагеря, Хворостинин после утверждения Романовых на престоле должен был подробно оправдываться в своей позиции. Платонов очень тщательно рассмотрел литературное творчество своего героя, возвращаясь к своей старой работе 1888 г. о сказаниях о Смутном времени, подчеркивая ее религиозно-полемический характер. Важным для Платонова является характеристика духовной жизни в Московском государстве начала XVII в.: в это время мелкие уклонения от старых московских обычаев стали всеобщими. Вызвано это было событиями Смуты, а также наплывом иноземцев при Михаиле Федоровиче. Эти уклонения вызвали к жизни идеи охранительства, борьбы с протестантской пропагандой, в особенности при патриархе Филарете. Даже из Речи Посполитой тогдашние московские круги ожидали проникновение лютеровой веры.

В 1930–1950-х гг. в Советском Союзе тема шведского присутствия в Новгороде в начале XVII в. рассматривалась исключительно в рамках иностранной интервенции в Московское государство (такая постановка вопроса вполне устроила бы патриарха Филарета). Именно

²¹ Вопрос о русской эмиграции в XVI–XVII веках поднимался в историографии и до С. Ф. Платонова. Поводом к этому послужила не только и не столько переписка Грозного с Курбским — самым известным русским эмигрантом московской эпохи, но скорее обнаружение С. В. Соловьевым в шведских архивах рукописи Григория Котошихина (*Маркевич А. И. Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII века. Одесса, 1895*). Кстати, А. И. Маркевич неверно определил как русского эмигранта подьячего Ивана Верина, ведшего переписку со своим коллегой в Ладого, якобы для добычи сведений. Иван Верин был ореховским своеземцем, который, разумеется, после 1617 г. стал вполне легальным подданным шведской короны (Там же. С. 10). В последние годы наиболее полный обзор русской эмиграции XVI–XVII вв. дал Г. М. Коваленко (*Коваленко Г. М. Комментарии // Павел Юстен. Посольство в Московию 1569–1572 гг. / Пер. Л. Э. Николаева. Сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2000*).

²² *Платонов С. Ф. Москва и Запад... С. 37.*

²³ Недавно свой портрет дьяка Грамотина привел в своей монографии о Посольском приказе Д. В. Лисейцев (*Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Т. 1. М., 2003. С. 83–107*).

в этом ключе выдержаны даже работы самых doskonaльных исследователей, как правило редко вводивших в оборот новые документы. К примеру, в работе В. Шункова, основанной на материалах, опубликованных К. Якубовым, заметное внимание уделялось содержащимся в них указаниям на взаимоотношения помещиков с крестьянами²⁴. В. Шунков обратил внимание на два важных сюжета. Первый из них является примером крестьянской верности. Один дворянин Водской пятины, Богдан Ададуrow, уехал из Новгорода во Псков. По нормам, бытовавшим в Новгороде в то время, хлеб из изменничьего поместья должен был быть отписан на государя. Часть хлеба, вероятно, помещик скрыл в лесных тайниках — «ямах». Как выяснилось, зимой 1613/14 г. Ададуrow нелегально приезжал к себе в поместье и, пользуясь расположением оставшихся своих крестьян, вывозил и прятал свои хлебные запасы. Взятый по доносу крестьянин Ададуrowа Иван Кондратьев Косяга всячески отрицал свою вину, покрывая своего прошлого владельца²⁵. Другой сюжет касается Арины Новокщеновой, чей муж оказался вдали от своего поместья. В отсутствие мужчины ее крестьяне отказались оказывать Новокщеновой повиновение, на что она и жаловалась новгородскому правительству²⁶.

Надо заметить, что остро негативное отношение к шведскому фактору в годы Смуты присутствует далеко не во всех работах советских ученых. В 1930-е гг. появилось несколько работ, посвященных Новгороду периода оккупации, принадлежащих перу В. А. Фигаровского. Ученый впервые рассмотрел все сложные перипетии посольства архимандрита Киприана и Якова Боборыкина с товарищами в Москву весной 1615 г., используя вслед за Г. А. Замятиным коллекцию «Шведских дел» из архива Посольского приказа. Употребляя понятие «измены» по отношению к новгородцам начала XVII в., Фигаровский не следовал политической риторике своего времени, но скорее пользовался терминологией московских документов 1615–1617 гг.²⁷ Позицию новгородцев в 1615 г. Фигаровский также толкует как неоднозначную: они (лично архим. Киприан) утверждали в Москве, что узнали об избрании Михаила Романова только в августе 1614 г., несмотря

²⁴ Шунков В. Народная борьба против польских и шведских оккупантов в начале XVII века // ИЖ. 1945. № 1–2. С. 3–8.

²⁵ Дело по челобитной Г. Оболянинова об обыске государева хлеба в изменничьих поместьях Б. Ададуrowа и Б. Малышева. 1615 (?) // RA, NOA. Serie 2:32.

²⁶ Дело по челобитью Арины, жены Воина Новокщенова на своих крестьян. 1615, апрель // RA, NOA. Serie 2:30.

²⁷ Ученый писал: «Это (рассмотрение всех новгородцев как изменников в Москве. — А. С.) подтверждается следственным делом приказного стола Разрядного приказа за 1614 год: «О сношениях Ратмана Вельяминова, воеводы в полку князя Трубецкого, князя Андрея и Григория Шаховских с дядей последних новгородским изменником холмитином князем Андреем Константиновичем Шаховским». На всем протяжении следствия новгородцы называются изменниками» (Фигаровский В. А. О грамоте новгородского посольства в Москву в 1615 г. // НИС. Вып. 2. Л., 1937. С. 57, прим. 3).

на то, что Эверту Горну было известно об этом уже в июле 1613 г. Характерным было, по мнению ученого, и заявление новгородцев о том, что если к сроку московское правительство не начнет переговоров о мире, то они поцелуют крест Густаву Адольфу. Разумеется, в своей статье 1937 г. ученый был вынужден прикрываться терминологией, принятой в то время. Так, споры в Новгороде в 1611 и 1615 гг. он именуется следствием классовой борьбы²⁸. При этом ученый достаточно точно анализирует предшествующую историографию, называя отрицание приговора об избрании шведского принца в ляпуновском ополчении — официальным мнением царской историографии: «Эта позиция дворянской историографии совпадает с официальными утверждениями правительства Михаила Романова»²⁹.

В работах В. А. Фигаровского также впервые была сделана попытка прояснить позицию новгородского правительства летом 1611 г. По его наблюдениям, большинство новгородской знати склонялось к принятию союза со шведами (о «недоумении» кн. И. Н. Большого Одоевского вскользь упоминает Новгородская третья летопись). Впрочем, анализируя договор новгородцев с Делагарди, Фигаровский пользуется терминологией классовой парадигмы: согласно ученому, в договоре «охраняются интересы духовенства, боярства и дворянства». Интересен анализ В. А. Фигаровским событий в Новгороде в 1614 г.: результаты «плебисцита» 31 июля 1614 г., когда «изо всех улиц старосты вынесли выносы за руками, что всем помереть, а королю креста не целовать», ученый объясняет не абстрактной «патриотической позицией», а прежней присягой жителей города королевичу Карлу Филиппу³⁰. При всей антишведской риторике текстов Фигаровского, они кажутся результатом вдумчивого и кропотливого исследования ученого, рассмотревшего много

²⁸ Надо сказать, что здесь В. А. Фигаровский учитывал достижения историографии своего времени: там, где он пишет о классовой борьбе в Новгороде в 1611 г., он апеллирует к примеру борьбы во Пскове 1607–1609 гг. В 1930-е годы события во Пскове того времени были охарактеризованы в монографии М. Н. Тихомирова, посвященной событиям 1650 г. (*Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 года. Из истории классовой борьбы в русском городе XVII века. М.; Л., 1935*). Позднее этим событиям была посвящена особая статья ученого: *Тихомиров М. Н. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в. // Из истории социально-политических идей. Сб. статей к 75-летию ак. В. П. Волгина. М., 1955. С. 181–189*). Вплоть до 2000 года в отечественной историографии борьбу во Пскове представляли либо как классовую, либо как борьбу «верхов» с «низами», либо как социальную (в этом ключе оцениваются события во Пскове даже новейшим исследователем И. О. Тюменцевым — *Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999*). Новый взгляд на развитие событий во Пскове был изложен в работах В. А. Аракчеева (*Аракчеев В. А. Псковский край в XV–XVII веках. Общество и государство. СПб., 2003. С. 165–200; Он же. Псков и Новгород: две стратегии в хаосе Смуты // Чело. 2004. № 3. с. 25–32*).

²⁹ *Фигаровский В. А. О грамоте новгородского посольства.... С. 60.*

³⁰ *Фигаровский В. А. Отпор шведским интервентам в Новгороде // НИС. Вып. 3/4. 1938. С. 58–85.*

конкретных обстоятельств новгородской жизни эпохи Смуты. Пусть о чашнике В. И. Бутурлине Фигаровский пишет, что тот «изменил Родине и стал шведским шпионом»³¹, но последовательность событий и сложность взаимоотношений между людьми, оказавшимися на службе в Москве и, соответственно, в Новгороде, передана Фигаровским досконально³².

Обстоятельные исследования И. С. Шепелева, появившиеся в печати еще в сталинские годы также вполне объективно, в духе Замятина, трактовали взаимоотношения шведов и Первого земского ополчения³³.

Гораздо более поверхностна работа В. Лилеева, где в основном пересказывались труды конца XIX – начала XX в. — К. Якубова и Г. А. Замятина. Вновь, вслед за В. А. Фигаровским, фигура чашника Бутурлина у Лилеева была названа «изменничьей»³⁴.

В послевоенное время большое место события эпохи Смуты в России заняли в трудах И. П. Шаскольского. Не будучи свободными от идеологических украшений в духе романовско-большевистской трактовки шведского фактора в эпоху Смуты, в трудах И. П. Шаскольского очень точно восстанавливаются конкретные события Смуты, такие как борьба вокруг Корелы и Орешка в 1610 г., на новом витке гражданской войны³⁵.

Немалую роль в формировании представления о Смуте у большинства современных ученых сыграли труды Р. Г. Скрынникова, посвященные в первую очередь политической истории Смутного времени. Некоторые замечания Скрынникова, казавшиеся в свое время спорными (к примеру, положительная трактовка деятельности Бориса Годунова, принципиальный отказ от какого бы то ни было оправдания опричнины) кажутся сегодня аксиоматичными. Во многом в полемике с исследованиями Р. Г. Скрынникова родилась работа

³¹ Это утверждение базируется по всей видимости, на знакомстве Фигаровского с делом о приезде посольства архимандрита Киприана в Москву в 1615 г. Обвинение Бутурлина в «измене» было высказано Я. М. Боборыкиным (Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана с товарищами. 1615. 15.01–15.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 2. Л. 171а–172).

³² *Фигаровский В. А.* О грамоте новгородского посольства в Москву в 1615 г. // НИС. Вып. 2. Л., 1937. С. 53–82; *Он же.* Отпор шведским интервентам...

³³ *Шепелев И. С.* Шведская интервенция в России в 1610–1611 гг. и отношение к ней Первого земского ополчения // УЗ Пятигорского ГПИ. Вып. 4. Кафедра отечественной истории. 1949. С. 175–198.

³⁴ *Лилеев В.* Шведская интервенция начала XVII века // ИЖ. 1940. № 1. С. 100–110. Представляется, что «изменником» В.И.Бутурлина сделал генеалогический парадокс: его часто путают с другими Василиями Бутурлиными, оказавшимися в Новгороде в 1611–1617 гг., в первую очередь с юным В. Бутурлиным, взятым в плен в 1614 г. в Гдове и оказавшимся под прямым покровительством короля Густава Адольфа в Швеции (подробнее: *Линд Дж. Х.* Ингерманландские «русские бояре» в Швеции. Их социальные и генеалогические корни. М., 2000. С. 19). Полагаю, что чашник В. И. Бутурлин вряд ли признал бы того за своего родственника.

³⁵ *Шаскольский И.П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII века. Петрозаводск, 1950.

А. Л. Станиславского об одной из крупнейших действующих сил Смутного времени — казачестве³⁶. Эта работа, пожалуй, первая в отечественной историографии, стала итогом просопографического исследования, когда путем изучения отдельных биографий казаков (или путей движения казачьих станиц) была воссоздана судьба специфической социальной группы на переломном этапе ее формирования. К сожалению, рамки работы А. Л. Станиславского не позволили представить весь исследованный им материал, и у современного исследователя есть возможность знакомиться только с итогами его труда.

В недавней работе Б. Н. Флори были рассмотрены некоторые ментальные установки городского дворянства, проявившиеся в памятниках Смутного времени, в первую очередь в Приговоре подмосковного ополчения. Именно служилые люди были, по Флоре, авторами Приговора. Ученый предлагает рассматривать идею совета «Всей земли», то есть служилых и жилецких людей, в контексте идеи сейма — главного судебного органа. Эта идея появилась в московском обществе Смутного времени не случайно. К лету 1611 г. общество имело опыт подкрестной записи царя Василия Шуйского, а также заключенного с Жолкевским договора о призвании на царство Владислава Вазы. Вместе с тем в создании Приговора отразились требования не только служилых по отечеству, но и казаков, к примеру — требование вернуть государству розданные в поместья и вотчины черные и дворцовые земли. Одновременно Приговор запрещал практику приставств, перенятую казаками по примеру польско-литовского войска. Дворяне — участники создания Приговора выступают как убежденные сторонники соблюдения принципа сословной иерархии. Русский дворянин в эпоху Смуты продолжал воспринимать себя в качестве служилого человека, а службу — как свою важнейшую постоянную обязанность. Именно за нее полагалось вознаграждение. Гарантия этого заключалась, по мнению ученого, в восстановление Поместного приказа и Разряда. Деятельности приказов дворяне придавали особое значение. В их представлениях о желательном государственном устройстве важное место занимали сильные центральные органы государственного управления, строго подчинявшие себе органы на местах. Таким образом, дворянство стремилось, с одной стороны, сосредоточить верховную власть в учреждениях, состоящих из его выборных представителей, с другой — воспринимало себя как служилое сословие, получающее вознаграждение за службу. И то и другое должна была ему обеспечить сильная центральная власть. Именно в Смутное время сформировалось представление дворян о том, что служилым людям принадлежит первенствующее место в обществе³⁷.

³⁶ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.

³⁷ Флоря Б. Н. О приговоре Первого ополчения // ИЗ. Т. 8 (126). 2005. С. 85–114.

Проблеме воцарения Михаила Федоровича Романова посвящена книга Л. Е. Морозовой. Это вторая монография ученого, посвященная эпохе Смутного времени. Первая, вышедшая в 2000 г., была посвящена формальному анализу сочинений о Смуте с использованием точных технологий³⁸. Не подвергая сомнению метод формального анализа, примененного автором для систематизации данного корпуса памятников, отметим заметную схематичность многих утверждений Морозовой. Так, мнение о слабоумии Федора Ивановича исследовательница связывает с идеологическими установками «польско-шведских» кругов³⁹. У Морозовой не вызывает сомнений авторство патриарха Иова по отношению к «Повести о честном житии Федора», дьяка Ивана Тимофеева — к «Временнику» и т. д.⁴⁰ Такой же схематизм присутствует в прочих суждениях Л. Е. Морозовой: «...чувства патриотизма не были столь уж развиты в широкой народной массе, в данном случае, среди казачества»⁴¹, «в Хронике события Смуты представлены с точки зрения и в оценке представителя нового дворянства. Оно было менее родовито, чем старое боярство»⁴².

Подобный схематизм суждений и выводов характерен и для последней книги исследовательницы (подчас возникает подозрение в идеологической ангажированности автора). По какой-то причине не критичное отношение к сведениям Нового летописца сопутствует гиперкритичному отношению к Повести о Земском соборе. Морозова критикует Повесть за формальные ошибки (в Москве не могло быть 40 тысяч казаков, бояр не семь, а восемь, Михаил Федорович не князь, а боярин) и характеризует памятник как позднее творение выходца из какого-то провинциального города, возможно из казаков⁴³. В книге много ошибок в обозначении имен и местностей: так, архангельский архиепископ Арсений именуется «архиепископом Галасунским» (верно: Елассонским), что позволяет предположить, что исследовательница не знает ни публикации его записок А. А. Дмитриевским⁴⁴,

³⁸ Морозова Л. Е. Смута начала XVII века глазами современников. М., 2000. Критику этой книги см.: *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец. История текста. СПб., 2004. С. 31-33.

³⁹ Там же. С. 9.

⁴⁰ Там же. С. 19.

⁴¹ Там же. С. 210.

⁴² Там же. С. 276. В этой связи уместно вспомнить ценное наблюдение А. П. Павлова, что традиционное для русской историографии XIX–XX вв. противопоставление боярства и дворянства, титулованной и нетитулованной знати на современном этапе развития науки попросту лишено смысла (*Павлов А. П.* Проблема «боярство и дворянство» XVI–XVII вв. и генеалогия // *Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования.* М., 1989. С. 12–14).

⁴³ Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты. М., 2005. С. 44–46.

⁴⁴ *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории. Киев, 1899.

ни последнего издания этих записок Фондом Сергея Дубова⁴⁵. Деревскую пятину Новгородской земли Л. Е. Морозова именует «Деревенской»⁴⁶. Чрезмерно схематичны характеристики бояр из «окружения Бориса Годунова», претендующие на то, чтобы стать формульными: «был бездарным/талантливым полководцем»; «отличался любовью к роскоши»⁴⁷. Если развивать этот ряд, то, к примеру, Яков Делагарди был, несомненно, талантливым полководцем и наверняка отличался любовью к роскоши и т. д. Плодотворность таких характеристик вызывает большое сомнение⁴⁸. Налицо и фактические ошибки при описании политических событий Смутного времени. «Вторым крупным городом, подчинившимся Самозванцу (неясно, какому, так как перед этим речь шла об убийстве Лжедмитрия II. — А. С.) был Псков. Под него было отправлено войско под началом Ивана Михайловича Салтыкова и кн. Григория Константиновича Волконского. Но под Ладогой оно было разбито и было вынуждено вернуться ни с чем»⁴⁹. Понятно, что Ладога окажется на пути к Пскову только в том случае, если двигаться с севера, к примеру из Карелии или Поморья. И. М. Салтыков и кн. Г. К. Волконский под Ладогой поражений никогда не терпели, а, напротив, взяли эту крепость после долгой осады 8 февраля 1611 г.⁵⁰ Довольно спорную и безапелляционную характеристику Л. Е. Морозова дает и кн. С. В. Прозоров-

⁴⁵ *Елассонский Арсений*. Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 163–204.

⁴⁶ *Морозова Л. Е.* Россия на пути из Смуты... С. 223.

⁴⁷ Там же. С. 49–50. Схематичность такого подхода Л. Е. Морозовой к классификации высших должностных лиц Московского государства была показана в работе В. Г. Ананьева, посвященной личности кн. А. В. Трубецкого. Как показал Ананьев, нет никаких оснований считать, что его «включили в состав правительства, так как он пользовался особым уважением»; князь был последним представителем старшей ветви рода (*Ананьев В. Г.* Князь Андрей Васильевич Трубецкой: исторический портрет // Вестник СПбГУ. 2006. Сер. 2, вып. 4. С. 31–35).

⁴⁸ Сталинское окружение также можно рассмотреть в качестве бояр, таким образом: Берия — был бездарным полководцем и отличался любовью к роскоши; Жуков — был талантливым полководцем и отличался любовью к роскоши; Сталин был бездарным (вар.: талантливым) полководцем, но не отличался любовью к роскоши и т. д.

⁴⁹ *Морозова Л. Е.* Россия на пути из Смуты... С. 80. Автор дает ссылку на 2 том Собрания государственных документов и договоров, с. 375–376. По публикации 1819 г. на этих страница первый документ из двух, изданных под общим заголовком «Две договорные взаимные записи боярина и воеводы кн. М. В. Скопина-Шуйского с шведским секретарем Карлом Олусоном, заключенные в Колязине монастыре: о посылке с ним полномочных в город Корелу для выдачи одного с уездами в владение шведам как скоро воевода Я. Де ла Гарди, для обороны Московского государства от неприятелей с войсками своими придет в Колязин и соединит оные с российскими. Роспись жалованью, определенному вспомогательным в России войскам шведским». 1609. 27.08 // СГГД. Т. 2. 1819. № 189 и 190. С. 375–378.

⁵⁰ Подробнее: *Селин А. А.* Ладога при московских царях. Изд. 2-е, испр. и дополн. СПб., 2006.

скому, который, по ее мнению, «был отважным воеводой царя Василия»⁵¹. Думается, при царе Василии кн. С. В. Прозоровский был еще юным стольником. Характеристика его поведения во время Смоленской войны 1632–1634 гг. дана в недавней работе К. В. Петрова⁵².

В 2006 г. вышла в свет большая концептуальная работа, посвященная первым годам Смуты. Речь идет о книге В. И. Ульяновского «Смутное время»⁵³. Несмотря на идеологическую ангажированность книги, в ней содержится новый взгляд на личности Лжедмитрия I, патриархов Иова, Игнатия и Филарета, новгородского митрополита Исидора. Несомненной заслугой монографии В. И. Ульяновского является тонкий анализ коронационных процедур, происходивших в Москве в мае 1606 г. Книга не избежала и заметных ошибок и неточностей. В продолжение тенденций отечественной историографии, восходящих к Н. М. Карамзину, Ульяновский склонен демонизировать царицу М. Г. Годунову⁵⁴. Интересным однако оказывается наблюдение В. И. Ульяновского о том, что в тексте присяги, составленном после смерти Бориса Годунова в апреле 1605 г. царице Марии Григорьевне, Федору Борисовичу и Ксении Борисовне, на первом месте стоит имя царицы Марии. Важной проблемой, затронутой в книге В. И. Ульяновского, является противопоставление «прямых» и «кривых» героев Смуты⁵⁵. Автор идет по пути реконструкции критических биографий и поиска мотивации поступков героев. Заметной особенностью московской

⁵¹ Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты... С. 105.

⁵² Петров К. В. Новые источники по истории Смоленской войны 1632–1634 гг. // ОФР. Вып. 4. М., 2000. С. 116–131.

⁵³ Ульяновский В. Смутное время. М., 2006. Далеко не случаен выбор ее для публикации издательством «Евразия», которое считается близким Фонду эффективной политики (возглавляемому Г. О. Павловским).

⁵⁴ Он приводит стихи-памфлет Исаака Массы:

Куда тебя твоя жестокость привела,
советы те, что ты супругу подавала?
Ты сотворила много больше зла,
чем встарь Иезавель, Гофолия свершала —
но по заслугам ты и кару понесла,
которую в тиши другим уготовляла.
(пер. В. А. Зоргенфрея)

Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937. С. 46–47 (Ульяновский В. Смутное время... С. 46).

⁵⁵ Впервые в историографии такая терминология употреблена в книге И. Е. Забелина. *Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время.* М., 1999. В 1999 г. эта книга была опубликована по 3-му изданию (СПб., 1896). Термины «прямые» и «кривые» у Забелина неслучайны (ср.: «на другой день *прямые* (курсив Забелина) послы призывали своих *кривых* товарищей-изменников...») (Там же. С. 264). Не зря Д. А. Володихин во вступительной статье пишет о том, что «в текстах Забелина «синтез древней и новой речи оказался столь гармоничен...». (Володихин Д. А. И. Е. Забелин – историк старомосковской цивилизации // *Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время.* М., 1999. С. 11). Насколько же уместна такая терминология у В. И. Ульяновского?

идеологии при первых Романовых и несколько ранее является подмеченная Ульяновским тенденция: «прямые» герои Смуты — сторонники Годунова и старины, «кривые» — сторонники Первого самозванца; равным образом, для времени после 1607 г. «прямые» — за царя Василия, «кривые» — за Тушино и поляков.

Особое место в книге занимает исследование личности патриарха Филарета. Здесь обвинение в кривизне, казалось бы, очевидно, однако в памятниках начала XVII в. это обстоятельство по понятным причинам замалчивалось. 1 июня 1606 г. Василий Шуйский был венчан на царство новгородским митрополитом Исидором. В описании царского венчания на первом месте стоит митрополит ростовский и ярославский Филарет, отсутствовавший на церемонии⁵⁶. Вместе с тем многие источники Смутного времени толкуют личность Филарета в негативном ключе. Ульяновский приводит выдержку из одной разрядной книги: 10 мая 1610 г. кн. Тимофей Иванович Оболенский «Литву побил, Филарета полонил и многих изменников поймал»⁵⁷.

Интересен взгляд В. И. Ульяновского на участие новгородского митрополита Исидора в событиях 1605–1606 г. В книге дается краткий биографический очерк Исидора: хиротонисан в епископы из игуменов Соловецкого монастыря патриархом Иовом (прежде был келарем в Троице-Сергиевом монастыре) в московском Успенском соборе 6 февраля 1603 г., 16 лет пребывал на кафедре, погребен в Корсунском притворе Софии Новгородской. Еще в январе 1605 г. он рассылал по епархии грамоты о «расстриге Гришке Отрепьеве» (сохранилась в собрании Соловецкого монастыря) и указ ежедневно молиться за царскую семью Годуновых. Однако вскоре после вступления Лжедмитрия в Москву Исидор приказал изъять из Софийского собора служебник с поминанием Годуновых, написать и употребить новый с именами царя Дмитрия Ивановича и его матери. 21 июля 1605 г. он принял участие в коронации Лжедмитрия, в мае 1606 г. — в коронации Марины Мнишек. Возможно, Исидор участвовал в избрании патриарха Игнатия. Ульяновский взвешенно оценивает такое противоречие: проще всего объяснить поведение новгородского митрополита ангажированностью, т. е. рассматривать поведение с политической точки зрения. Однако в данном случае можно говорить просто об исполнении приказов первосвященника (в этой ситуации сложно сказать какого: Иова или Игнатия?). Поставленный Иовом на митрополию, Исидор должен был подчиняться духовному наставнику и государю: его анафемы Отрепьеву искренни. Но он не мог не знать о разнообразных слухах. Эти слухи оставляли след сомнения. «Военные успехи самозванца, переход на его сторону армии Годуновых, неожиданная смерть царя Бориса — все это только сбивало с толку верующего

⁵⁶ Там же. С. 139.

⁵⁷ Там же. С. 145.

человека... и порождало мысль о Божьей каре царствующему дому за грехи». Сомнения восторжествовали, когда Годуновы потерпели полный крах. У Исидора, по Ульяновскому, не было иного выбора, кроме как принять Самозванца⁵⁸.

Историография изучения дворянских корпораций и других социальных групп Московского государства

Исследование персонального состава московского служилого люда — членов Государева двора, приказных, других категорий дворянства ведется с конца XIX века. Первой и до сих пор не потерявшей своего значения работой такого рода следует назвать монографию Н. П. Лихачева о дьяках Разрядного приказа XVI столетия⁵⁹. На самом деле рамки работы значительно шире. Все приказные назначения эпохи Смуты подробно рассматриваются в приведенном Н. П. Лихачевым справочнике.

Вне всякого сомнения, не менее значимым справочником для современного исследователя является издание «Дьяки и подьячие XV–XVII веков», подготовленное на основе рабочей картотеки С. Б. Веселовского и опубликованное после его смерти в 1975 г.⁶⁰ Сегодня, пожалуй, нет работы о системе управления Московского государства, в которой бы не использовалось это издание. Но эта монография не была подготовлена автором к печати, и базировалась в основном на опубликованных материалах или тех, которые использовались в различных исследованиях самого С. Б. Веселовского. В трудах С. Б. Веселовского содержится масса специально организованных биографических данных и о представителях других групп служилого сословия. Основным предметом историко-биографических и историко-генеалогических изысканий С. Б. Веселовского было московское боярство, преимущественно XV–XVI вв.⁶¹ Но одна из работ С. Б. Веселовского может считаться классической для исследования персональной истории именно Новгородской земли XVI века. Она была посвящена лицам, упомянутым в Синодике опальных Ивана Грозного, где новгородцы составляли заметную часть. Исследователь соотнес лиц, известных по Синодику, с новгородцами того времени, известными в первую очередь по Тысячной книге, писцовым книгам и другим материалам поместного делопроизводства⁶². Позднее этот же источник был исследован Р. Г. Скрынниковым. Ученый вышел на новый уровень изучения памятника, но к биографическим разработкам С. Б. Веселовского добавил сравнительно

⁵⁸ Там же. С. 213–214.

⁵⁹ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888.

⁶⁰ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII веков. М., 1975.

⁶¹ *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.

⁶² *Веселовский С. Б.* Синодик опальных царя Ивана как исторический источник // ПИ. 1940. Сб. 3. С. 245–366.

мало⁶³.

Одним из продолжателей традиции историко-генеалогических исследований С. Б. Веселовского стал В. Л. Янин. В 1962 г. им была опубликована монография о новгородских посадниках, которая может считаться первым опытом применения сформулированного автором принципа комплексного источниковедения⁶⁴. По сути дела, свои историко-генеалогические разыскания В. Л. Янин проводил путем реконструкции политических биографий новгородских бояр и установления связей между ними. В 1981 г. вышла в свет вторая монография В. Л. Янина, написанная в рамках того же направления (наверное, единственное опубликованное в советское время исследование, заголовок которого содержал слово «генеалогическое»)⁶⁵. В этой монографии были существенно расширены как источниковедческая база, так и область применения метода: исследовались не только боярские роды, но и роды мелких новгородских вотчинников. Комплексное исследование позволило сделать важные наблюдения над социальным составом новгородских землевладельцев как республиканского периода, так и первых лет московской власти.

С конца 1970-х гг. наблюдения С. Б. Веселовского над генеалогией московских родов, а также предложенный В. Л. Яниным метод комплексного источниковедения нашли свое развитие в целой серии исследований С. З. Чернова по локальным группам московской провинциальной элиты времени сложения сословия служилых землевладельцев⁶⁶. Сам С. З. Чернов обратил внимание на то, что сформулированная в первой половине XX в. программа С. Б. Веселовского об изучении княжеского землевладения с картами в руках только в 1970-х оказалась востребованной археологами и именно в археологических исследованиях получила свое дальнейшее развитие⁶⁷. Такой интерес археологов к проблемам географии средневекового землевладения нельзя назвать случайным: любое конкретное археологическое исследование неизбежно стремится к точным топографическим и/или географическим привязкам, и путь от занятия средневековой археологией к занятию исторической географией землевладения и далее — к исследованию биографий деятелей средневековья вполне закономерен⁶⁸. С. З. Чернов, исследуя землевладение в раз-

⁶³ *Скрынников Р. Г.* Трагедия Новгорода. М., 1994.

⁶⁴ *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.

⁶⁵ *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.

⁶⁶ *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV–первой половине XVI в. Структуры землевладения. М., 1998; *Его же.* Землевладение волости Бели Радонежского уезда // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 20–70; *Его же.* Из истории Киснемы последней четверти XIV – начала XV века // Кириллов. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 9–26.

⁶⁷ *Чернов С. З.* Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы. М., 2005 (Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2). С. 23–24.

⁶⁸ По сходному пути прошел свое развитие ученый и автор этих строк.

ных частях Московского государства, опирается на такие важные особенности традиционного московского средневекового общества, как его иерархичность, клановость, преемственность на протяжении XV (подчас и XIV)–XVII вв. Исследование землевладения и землевладельцев в Новгородской и Псковской земле XVI–XVII вв. имеет совершенно иной характер: смена состава землевладельцев на рубеже XV–XVI вв. не позволяет выявить архаические особенности формирования земельных владений и семейных кланов.

В настоящее время в рамках сформулированной С. Б. Веселовским и В. Л. Яниным парадигмы наиболее плодотворно работает А. А. Гиппиус. Одна из самых ярких фигур эпохи новгородской независимости — художник и священнослужитель Олисей Петрович Гречин, усадьба которого была полностью исследована в 1980 г.⁶⁹ Через двадцать с лишним лет после выхода в свет монографического издания материалов раскопок усадьбы художника А. А. Гиппиус решил вернуться к изучению его личности на новом источниковедческом уровне, соотнеся материалы разных источников. По Гиппиусу, разные типы источников допускают разные уровни приближения и разные уровни достоверности. Для характеристики личности Олисея Гречина ученый обращается к ономастической статистике: имя Олисей для византийца этого времени невероятно, отчество Петрович — крайне маловероятно⁷⁰. Таким образом, личность художника представляется сегодня более загадочной, нежели тогда, когда была исследована его усадьба.

Из всех социальных групп московского общества в настоящий момент более всего изучен Государев двор. На его исследовании на рубеже XIX–XX вв. были сосредоточены усилия Н. В. Мятлева, впервые введшего в научный оборот два основополагающих документа эпохи складывания Двора как служебного и социального института — Тысячную книгу и Дворовую тетрадь середины XVI века. Новый источник по истории двора уже эпохи опричнины в 1949 г. предложил Д. И. Альшиц⁷¹. В те же годы Тысячная книга и Дворовая тетрадь были переизданы под редакцией А. А. Зимина.

Позднее трудами А. Л. Станиславского ранее изданные документы были критически разобраны. Исследователь указал и на новые источники — боярские списки, позволяющие по-новому взглянуть на Государев двор в конце XVI – начале XVII в. А. Л. Станиславский впервые обратил внимание на особое место Новгорода в системе служилых городов Московского государства. По наблюдениям Станиславского, в Тысячной книге нет новгород-

⁶⁹ Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

⁷⁰ Гиппиус А. А. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005. С. 99–114.

⁷¹ Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 г. // ИА. Т. 4. М.; Л., 1949.

цев и представителей некоторых других городов «от немецкой украины», в Дворовой тетради они записаны отдельно от остальных; боярский список 1577 г. включает в себя и новгородцев, и пусторжевцев, но разряды 1577 различают служащих Московской и Новгородской земель. «Судя по новгородским десятням начала XVII века, выборные группы новгородских пятин к этому времени еще не оформились»⁷². В 1585 г. среди «выбора» было упомянуто шестеро новгородцев — это, по Станиславскому, единственное свидетельство о несении новгородцами службы в столице после смерти Ивана IV наравне с выборными дворянами⁷³. При этом Станиславский объяснял особое место новгородского и псковского дворянства более архаичной организацией служилого города на Северо-Западе. Дворовые Новгорода, Пскова и других городов от «немецкой украины» и после оформления новой структуры двора на остальной территории страны (выделения столичного и выборного дворянства) продолжали рассматриваться как члены двора. В пределах Новгородской земли новгородцы и псковичи несли службу наравне с выборными. Некоторые новгородцы (в т. ч. В. И. Волков-Курицын) из года в год получали «дворовые» назначения. Максимальные новгородские оклады были вдвое выше, чем у детей боярских провинциальных городов «Московской земли». Два новгородца, Богдан и Воин Афанасьевы дети Новокщеновы, были записаны в Списке дворовых начала XVII в. Они значились здесь детьми боярскими «без городов»⁷⁴. Впоследствии Воин Новокщенов стал одним из виднейших деятелей в Новгороде 1611–1617 гг.

Тогда же, в 1970–1980-е гг., история возникновения Государева двора заинтересовала американскую историографию. Пожалуй, именно в исследовании Г. Алефа впервые была сделана попытка проанализировать персональный состав участников похода Ивана III на Новгород⁷⁵ (позднее критически разобранный в статье В. Д. Назарова).⁷⁶

В 1980–1990-х гг. и в настоящее время этот подход с успехом применяется А. П. Павловым в исследовании Государева двора XVI–XVII вв. в целом и отдельных его категорий в

⁷² Станиславский А. Л. Источники для изучения состава и структуры Государева двора в последней четверти XVI – начале XVII века // Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 134–135.

⁷³ Там же. С. 102–103.

⁷⁴ Там же. С. 152, прим. 14.

⁷⁵ Alef G. The Origins of Muscovite Autocracy. The Age of Ivan III (Forschungen zur östereuropaischen Geschichte. Bd. 39). 1986.

⁷⁶ Назаров В. Д. Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей к 75-летию Ю.Г.Алексеева. СПб., 2002. С. 567–584.

частности⁷⁷. Ученый впервые в историографии заявил о бессмысленности противопоставления «боярства» и «дворянства» как особых социальных групп Московской Руси XVI–XVII вв., малой значимости противопоставления титулованного и нетитулованного дворянства⁷⁸. В основе работ А. П. Павлова лежит внимание к карьерам личностей, в рассматриваемый период занимавшим разные должности в Государевом дворе. В монографии 1992 г. ученый дал исчерпывающую характеристику этому институту накануне Смутного времени, базирующуюся на анализе его персонального состава⁷⁹. Такой подход позволил исследователю сделать ряд важных наблюдений о развитии Государева двора. К числу таких наблюдений относится выявление того факта, что в 1618–1626 гг. 23 представителя новгородской служилой корпорации были пожалованы в московские дворяне (больше пожалований в московский список получили только смоляне)⁸⁰. Вместе с тем, по наблюдениям исследователя, попадание в московский список скорее отрывало пожалованных новгородцев от основной массы городской корпорации⁸¹. Действительно, выдвинувшиеся в Смуту новгородские дворяне И. М. Аничков, Б. М. Дубровский, кн. Е. Ф. Мышецкий, дьяки-новгородцы Ефим Телепнев и Томило Луговской, достигнув московских чинов, связь с Новгородом практически полностью утратили.

Несколько исследований, посвященных судьбам московского служилого люда в годы Смуты, проведено П. В. Седовым. Ученый развил мысль об окладах служилых людей как одном из основных мотивов тех или иных действий на протяжении всей Смуты⁸². По справедливому замечанию П. В. Седова, несоответствие поместных и денежных окладов реальным размерам поместных дач и денежным выплатам привело к сильнейшим кризисным явлениям в судьбе служилого сословия, особенно ярко проявившимся в годы Смуты. В другой работе Седов реконструировал жилецкий список 1611 года, реально существо-

⁷⁷ Павлов А. П. Ценный источник по истории русского дворянства XVII в. (материалы жилецкого разбора 1643 г.) // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей к 75-летию Ю.Г.Алексеева. СПб., 2002. С. 308–436.

⁷⁸ Павлов А.П. Проблема «боярство и дворянство»...

⁷⁹ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992.

⁸⁰ Правящая элита Русского государства. IX – начало XVIII в. Очерки истории. СПб., 2006. С. 331.

⁸¹ Павлов А. П. Новгородское дворянство и Государев Двор XVI–XVII веков // От Древней Руси к России нового времени. Сборник статей к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 140–147.

⁸² Седов П. В. Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту // АРИ. Вып. 3. М., 1993. С. 227–241.

вавший документ, сгоревший в московском пожаре 1626 г.⁸³ Важно замечание П. В. Седова о поголовном уменьшении окладов служилых людей в подмосковном ополчении при П. Ляпунове.

В этом же русле лежат разработки ученых, посвященные отдельным служилым городам России. Таковы исследования Л. И. Ивиной о дворянстве русского северо-востока — Углича, Галича, Вологды. Особенностью трудов ученого является «привязка» их к конкретному историческому пространству, отчасти историко-географический характер⁸⁴.

В последние годы наиболее серьезно вопрос об изучении городского дворянства как особой группы московского общества, меняющейся вместе со страной, поставил в своей докторской диссертации В. Н. Козляков. На обширном материале первой половины XVII в., в первую очередь на данных десятен и коллективных челобитных городских дворян, исследователь изучил повседневную жизнь городского дворянства, его потенциал как активной значимой силы в Московском государстве XVII в., его приоритеты и ценности⁸⁵. Наблюдения над историей городских служилых корпораций позволили ученому прийти к выводу о том, что победа, достигнутая в 1611–1612 гг. служилыми людьми и верхушкой посада, позднее была утеряна. К 1613 г. города Московского государства были истощены и физически, и материально. В походах 1613–1615 гг. активно участвовали только те города, которые были заинтересованы в направлении походов (южнорусские города в походах кн. И. Н. Одоевского к Воронежу, западнорусские — к Смоленску и Пскову). В целом же нетство и бегство со службы после 1613 г. приняло угрожающий характер: так, в 1613/14 г., перед походом кн. Д. Т. Трубецкого на Новгород в Торжке собралось только 14 владимирцев из 132. Вместе с тем в Устюжне и Тихвине в это время большинство собравшихся принадлежало к выехавшим из Новгорода городским детям боярским, заинтересованным в возвращении города и соответственно своих поместий под власть Московского государства. В. Н. Козляков обратил также внимание на то, что, несмотря на общее стремление городского дворянства «пробиться» в московский список, своя иерархия существовала внутри каждой городской корпорации (изучение новгородских материалов

⁸³ Седов П. В. Реконструкция жилацкого списка 7119/1611 года // Россия от Ивана Грозного до Петра Великого. Сборник трудов, посв. 35-летию научной и педагогической деятельности проф. Р. Г. Скрынникова. СПб.; Киев, 1993. С. 57–69.

⁸⁴ Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV – первой половины XVI в. Л., 1979; *Ее же*. Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л., 1985.

⁸⁵ Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Автореферат диссертации на соиск. учен. степени доктора истор. наук. СПб., 1999.

эпохи Смуты позволяют присоединиться к такому мнению).⁸⁶

Важные наблюдения, отчасти антропологического характера, над судьбами дворянских городских корпораций принадлежат И. Л. Андрееву. По наблюдению ученого, городской сын боярский, оказавшись вне корпорации, был обречен на одиночество. Внутри корпораций кроме формальных связей существовало множество неформальных взаимоотношений. В рамках этики городского дворянина XVII в. действенными были понятия лидерства, авторитета, примера. Город выживал неугодных и расправлялся с ними, имея в своем распоряжении множество неформальных способов. Реализация принципа равенства внутри корпорации была особо ощутимой в отношении к служебной карьере: новики — городской — дворовый. Оценка личных заслуг чужда для провинциального дворянства, примером чему, по И. Л. Андрееву, является встречающаяся в дворянских челобитных XVII в. формулировка с просьбой «пожаловать со своей братью вровень». Вообще тон дворянских челобитных того времени был близок к ультимативному. Сословные притязания городского дворянина заключались в первую очередь в стремлении вырваться за пределы города (но не порывать с городом связи), соответственно челобитные должны были объединить усилия корпораций для достижения сословных целей.⁸⁷

Эта проблема подробно исследована в монографии Н. Ш. Коллманн. Рассматривая вопрос о генезисе представлений о чести у московского служилого человека XVII в., она называет два возможных источника этих представлений: гипотетическая дружинная этика Древней Руси и государство конца XV-XVI в., навязавшее такие представления служилому люду⁸⁸. Думаю, оба эти фактора должны быть учтены.

Вопрос о значении неформальных связей в системе управления Московского государства рассмотрен в статье О. В. Новохатко. По ее мнению, приказные люди из служилых людей по отечеству всячески старались доказать, что служат в приказе не по своей воле, а по указу государя. Это, считает исследователь, свидетельствует о непрестижности такой службы в среде служилых людей. Если потомственные приказные стремились добиться престижа за счет уз родства-свойства, то служилые — связей с аппаратом. В статье ученого описаны разнообразные попытки стольника А. И. Безобразова «избыть государевой

⁸⁶ *Козляков В. Н.* Служилый «город» в Московском государстве в 1613–1619 гг. // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 188–199.

⁸⁷ *Андреев И. Л.* О проблеме сословной организации и сословном самосознании служилого «города» в XVII столетии // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 13–20; *Он же.* Дворянство и служба в XVII в. // ОИ. 1998. № 2. С. 164–175.

⁸⁸ *Коллманн Н. Ш.* Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001. С. 271 и далее.

службы», используя своего свойственника дьяка Семенова и образовавшиеся при этом родстве связи. Очевидным является значение родственных и приятельских взаимоотношений в кадровых назначениях. По мнению О. В. Новохатко, это в целом было позитивно для качества управления, так как неформальные решения проблем (не злоупотребления) лучше формальных, «правильных» решений.⁸⁹

Наблюдения Б. Н. Морозова и О. Е. Кошелевой над самосознанием и социальным поведением дворянства XVII в. базируются на многолетнем исследовании биографий московского дворянства (именно этими учеными в соавторстве с американским исследователем М. По было в свое время предложено просопографическое изучение Боярской думы XVII в.⁹⁰). Публикации-реконструкции личных дворянских архивов последних лет позволили исследователям подробно остановиться на судьбах этих собраний. По их наблюдениям, такой личный архив был чрезвычайной ценностью для дворянина XVII столетия. Дворянские архивы хранились в подголовниках. Примерный анализ их состава позволяет говорить, что дворянами сохранялись документы не только о собственной или родительской — дедовской службе, но и о службах родственников и далеких предков в XV в. Последние документы использовались для подтверждения древности рода и других подобных целей. Большую роль для изучения самосознания дворянства играет исследование частных книжных собраний, а также кратких летописцев на столбцах, также иногда встречающихся в таких архивах. Это позволило ученым сделать вывод о том, что наиболее значимые для дворянина XVII в. понятия — род и служба⁹¹.

Вопрос о морально-психологических представлениях служилых людей Московского государства (и специально — Новгородского разряда), их отношении к военной службе затронут в статье О. А. Курбатова, посвященной тем изменениям, которые происходили в психологии служилых людей в ходе военных реформ середины XVII в.⁹² Исследователь, оценивая стойкость и удачливость бойца в XVI – начале XVII в. справедливо указал, что

⁸⁹ *Новохатко О. В.* Управленцы среднего звена в XVII веке: неформальные контакты служилых по отечеству и приказных // ОИ. 2005. № 3. С. 158–169.

⁹⁰ *Кошелева О. Е., Мартин Р., Морозов Б. Н., По М.* Некоторые итоги компьютерной обработки источников по истории Боярской Думы XVII в. // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 223–226.

⁹¹ *Кошелева О. Е., Морозов Б. Н.* Историческое сознание и социальное поведение русского дворянства XVII века (К вопросу о формировании аналитического комплекса источников) // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 226–230.

⁹² *Курбатов О. А.* Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2003. Опубликовано также в Интернет-журнале «Oderint dum prodent». Вып. 13, январь – февраль 2007 (www.milhist.ru).

они были связаны с «дородством» — знатностью и «честностью» службы рода московским государям. Внутри Новгородского разряда выделялись свои знатные роды, в первую очередь княжеские — Мышецкие, Елецкие и Шаховские, а также Елагины и Нащокины. Их представители первыми являлись на службу и последними покидали ее, при поражении не бежали, а собирались близ воеводы и государева знамени. Корни такого поведения новгородских помещиков, по мнению Курбатова, уходят в дружинную древность. Уклонение от службы могло обесчестить весь род. Это обеспечивало своего рода круговую поруку, когда родственники принуждали друг друга к честной службе. По мнению исследователя, все поражения в Смуту вызваны в первую очередь непониманием служилыми людьми целей гражданской войны. Они не были готовы терпеть голод и лишения за чуждые и непонятные им интересы. В таких случаях (при Болхове в 1607 г., под Москвой в 1606 г. и т. д.) они стремились покинуть полки при первой возможности. Отсюда происходила поразительная нестойкость дворянских отрядов, дававшая о себе знать и после воцарения Романовых. Дух русской конницы зависел от заинтересованности ратных людей в продолжении похода. основополагающими понятиями для служилого человека являлись «честь», «служба», «жалованье».

Ярким опытом персонально-исторического исследования жизни провинциального дворянства может служить статья Н. В. Пиотух, посвященная особой группе служилых людей — тем, кто был испомещен в захваченных в Ливонскую войну городах и после Плюсского и Ям-Запольского перемирия должен был оставить прибалтийские поместья⁹³. Небольшое исследование Н. В. Пиотух, базирующееся на сопоставлении в первую очередь разрядных книг и писцовых описаний Пусторжевского уезда имеет тем большее значение, что касается географии землевладения — как в Ливонии, так и в Пусторжевском уезде⁹⁴.

Историография конца XX – начала XXI в. насчитывает большое число отдельных биографических исследований, посвященных ярким фигурам московской истории XVI–XVII вв. После досконального исследования состава опричного двора Ивана Грозного В. Б. Кобрин обратился к изучению судеб отдельных его участников. Новацией биографического очерка В. Б. Кобрин, посвященного Михаилу Безнину, является то, что он рассматривает оба периода жизни Безнина — мирской и духовный, в Кирилловом монастыре. «Безнин сохранил в монастыре хватку беззастенчивого дельца, которая оказалась здесь весьма кста-

⁹³ Вопрос об этом испомещении впервые был сформулирован В. А. Аракчеевым (*Аракчеев В. А. Утраченный указ 1582 г. об испомещении «детей боярских немецких городов» и его реализация // Феодальная Россия. Новые исследования. СПб., 1993. С. 38–42.*)

⁹⁴ *Пиотух Н. В. Служилые люди на Ливонской войне // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научных семинаров. 2001–2002. Псков, 2003. С. 161–183.*

ти»⁹⁵. В середине 1980-х гг. вопрос о продуктивности исследования отдельных биографий периода Смуты для понимания истории эпохи был поставлен в статье С. Е. Князькова, посвященной Истоме Пашкову⁹⁶. Сравнительно недавно польский исследователь Иероним Граля, разработавший в обстоятельной монографии портрет дьяка Ивана Михайловича Висковатова, фактически на ее основе воссоздал картину первой половины царствования Ивана IV⁹⁷. В этом же жанре, в традициях С. Б. Веселовского, создан обстоятельный очерк Ю. Г. Алексеева о роде Плещеевых на службе московских государей XIV–XV вв.⁹⁸ и исследование М. М. Крома о князе-авантюристе С. Ф. Бельском⁹⁹.

Заметный ряд историко-персональных исследований связан с западным соседом Новгорода, Псковом. Наиболее подробным персональным исследованием о псковичах этого времени является классическая монография С. Б. Веселовского о роде Пушкиных. Особое внимание ученого привлекли Пушкины — члены Государева двора, в годы Смуты служившие в основном в Москве и на воеводских должностях по городам, а также те из Пушкиных, кто еще в конце XV века оказался на Северо-Западе¹⁰⁰. Не так давно появилась еще одна специальная статья о псковских, новгородских и пусторжевских Пушкиных. Ее автор, В. А. Аракчеев, привлек источники, С. Б. Веселовскому недоступные — керамида Псково-Печерского монастыря¹⁰¹.

Следует отметить, что историко-биографические работы последних лет приобретают новое качество. Исторический обзор большого числа биографий одной социальной (служебной, проч.) группы за определенный хронологический период позволяет в ряде случаев изменить представление о той или иной эпохе. Примером просопографического исследования, проведенного на высоком методическом уровне, может служить монография Д. В. Лисейцева о Посольском приказе в годы Смуты. Важной частью монографии является биографический справочник о дьяках, подьячих, переводчиках и служилых татарах Посольского приказа 1605–1613 гг. Именно такой уровень обобщения данных, полученных из Посольских книг и делопроизводственных документов Посольского приказа, дал воз-

⁹⁵ *Нирбок В. Б. (Кобрин). Михаил Безнин — опричник, монах, авантюрист // ВИ. 1965. № 11. С. 214–216.*

⁹⁶ *Князьков С. Е. Материалы к биографии Истомы Пашкова и истории его рода // АЕ за 1985 г. М., 1986. С. 68–74.*

⁹⁷ *Граля И. Иван Михайлович Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994.*

⁹⁸ *Алексеев Ю. Г. Андрей Михайлович Плещеев — боярин Ивана III // Средневековая и Новая Россия. Сб. науч. статей к 60-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 323–353.*

⁹⁹ *Кром М. М. Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // ОФР. Вып. 4. М., 2000. С. 98–115.*

¹⁰⁰ *Веселовский С. Б. Род и предки А. С. Пушкина в истории. М., 1990.*

¹⁰¹ *Аракчеев В. А. Род Пушкиных и Псково-Печерский монастырь // ИРГО. Вып. 4. СПб., 1995. С. 51–56.*

можность Д. В. Лисейцеву составить представление о действенности Посольского приказа как государственного учреждения даже в годы полного развала государственности в Московской державе¹⁰². Возможно, впрочем, что ученый несколько переоценивает качество источников информации Посольского приказа, получавшейся от лазутчиков, иностранных купцов, языков, послов и из перехваченных писем. Очень осторожно Д. В. Лисейцев говорит о несколько наивных толкованиях такой информации приказными судьями. К этому вопросу я вернусь в 6 главе настоящей книги¹⁰³.

Близка по методике работа О. Ю. Куца о донских атаманах и есаулах середины XVII века¹⁰⁴. В ней обобщена биографическая информация о нескольких десятках атаманов Войска на Дону. Перу исследователя принадлежит также важная работа об этнических и религиозных группах, входивших в разное время в состав Войска.¹⁰⁵

Среди героев других историко-биографических исследований о псковичах — опричник К. Д. Поливанов¹⁰⁶, луцкий воевода Григорий Валуев¹⁰⁷, псковский правитель Смутной поры дьяк Иван Леонтьевич Луговской (Льговский)¹⁰⁸, еще один деятель Смутного времени, князь Андрей Васильевич Трубецкой¹⁰⁹.

Два периода, важнейших для истории Московского государства, оказались под пристальным вниманием историков на рубеже XIX и XX вв. — это Ливонская война и Смутное время начала XVII в. Специфика исторических периодов, обилие источников, быстрота карьер, нестандартность многих жизненных ситуаций — все эти факторы обусловили появление большого числа работ, где так или иначе затрагивались биографии деятелей Смуты. Чрезвычайно характерно название одной из монографий Н. И. Костомарова «Лично-

¹⁰² Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Т. 1. М., 2003.

¹⁰³ Там же. С. 44, 45, 48, 49.

¹⁰⁴ Куц О. Ю. Биографические сведения о донских атаманах, войсковых есаулах и войсковых дьяках второй половины XVII в. (1637–1667 гг.) // ОФР. Вып. 8. М., 2004. С. 122–164.

¹⁰⁵ Куц О. Ю. Татары на казачьем Дону (по материалам 1630-60-х гг.) // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю.Г.Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 398–414.

¹⁰⁶ Зуев М. И. Константин Дмитриевич Поливанов — опричник и воин (Из материалов к Псковскому биографическому словарю) // Земля Псковская древняя и современная. Тез. докл. к науч.-практ. конф. Псков, 1994. С. 121–128.

¹⁰⁷ Петров С. Г. «Тушинские перелеты» (К биографии Григория Валуева) // Земля Псковская, древняя и современная. Материалы научно-практических конференций 2000–2001 гг. Псков, 2002. С. 135–140.

¹⁰⁸ Зуев М. И. Дьяк Иван Леонтьевич Луговской (Льговской) — организатор обороны Пскова в «лета смутные». Из истории псковской оборонительной системы в 1608–1611 гг. // Земля Псковская, древняя и современная. Материалы научно-практических конференций 2000–2001 гг. Псков, 2002. С. 88–104; Аракчеев В. А. Псковский край в XV–XVII веках. Общество и государство. Псков, 2003. С. 185–188 и далее.

¹⁰⁹ Ананьев В. Г. Князь Андрей Васильевич Трубецкой: исторический портрет // Вестник СПбГУ. 2006. Сер. 2, вып. 4. С. 31–35.

сти Смутного времени», вышедшей в свет еще в 1871 г.¹¹⁰ Вместе с тем, в большом числе работ той поры содержались развернутые биографии людей, живших и действовавших в конце XVI — начале XVII в. Жизненные пути нескольких опричников Ивана Грозного — Деменши Черемисинова, дьяка Постника Дмитриева, боярина М. Г. Салтыкова-Морозова были исследованы библиотекарем Дерптского университета В. Кордтом¹¹¹. В годы особого внимания ученых к эпохе Смуты, «подогретого» празднованием 300-летия династии Романовых Л. М. Сухотин в своей публикации, посвященной земельным пожалованиям, совершенным при царе Владиславе, обстоятельно рассмотрел судьбу одного из новгородских помещиков, кн. М. В. Белосельского. Этот русский тушинец вместе с патриархом Филаретом последовал к Сигизмунду под Смоленск, был назначен королем воеводой в Торжок 2 августа 1610 г., а позднее перешел на сторону Подмосковного ополчения¹¹².

В начале XX в., как и в советское время, мы встречаемся с идеологизированными изданиями (такими, к примеру, как «Летопись историко-родословного общества»). Идея публикации документов к юбилейному 1913 году носила четко выраженный характер идеологического заказа. Концом Смуты объявлялось возведение Романова на престол в результате выбора русского «всенародства». Между тем, как известно, легитимность царя Михаила на престоле обеспечивалась подчеркиванием его родства с царем Федором Ивановичем. Но уровень осмысления источников к 1913 г. был столь высок, что идеологический прессинг не смог возобладать над исследовательскими задачами. В результате в нашем распоряжении — отлично изданный и комментированный корпус источников и серия ярких исследований (Е. Д. Сташевский¹¹³, Г. А. Замятин).

Жанр комментариев к историческим памятникам, во множестве публикуемым сегодня, неотвратимо заставляет их авторов прибегать к биографическим и историко-географическим исследованиям. Не составляя целостных справочников, некоторые авторы тем не менее приводят исчерпывающие биографические сведения о персоналиях, действовавших в XV–XVIII вв. Одной из самых ярких публикаций источников, содержащей подробные биографические справки об упомянутых лицах, стала, вероятно, публикация «Тысячной книги», предпринятая в 1911 г. Н. В. Мятлевым и Н. П. Лихачевым¹¹⁴. Широкая эрудиция авторов, их способность дать комментарий к личности каждого из «тысячников», попытка воссоздать «послужной список» каждого, с привлечением данных родо-

¹¹⁰ Костомаров Н. И. Личности Смутного времени. СПб., 1871.

¹¹¹ Kordt V. Die Verhandlungen des Waffenstillstandes von Teusina // Gelehrte Estnische Ges. Verhandlungen. Bd. 16:3. Dorpat, 1892. S. 102, прим. 1.

¹¹² Сухотин Л. М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. М., 1911. С. XXII, сноска 1.

¹¹³ Сташевский Е. Д. Смоленская война 1632–1634 гг. Киев, 1919.

¹¹⁴ Мятлев Н. В., Лихачев Н. П. Тысячная книга 7059 г. // ЛИРО. Год 7. Вып. 1–2. М., 1911.

словцев делает публикацию Лихачева и Мятлева образцовой; данное издание может считаться лучшим биографическим справочником о служилом люде Московской Руси середины XVI в. В комментариях И. А. Голубцова к III тому Актов социально-экономической истории Руси сохранены те традиции, которые в начале XX в. были заложены Н. П. Лихачевым, Н. В. Мятлевым, С. Б. Веселовским; эти комментарии также могут считаться своего рода справочником, впрочем, скорее не биографическим, а историко-географическим. Не меньшее значение имеют и комментарии В. Д. Назарова к актам московских Успенского собора и Богоявленского монастыря¹¹⁵. Хочется верить, что данный жанр получит развитие и в дальнейшем¹¹⁶. Впрочем, по меткому замечанию С. З. Чернова, в обычных комментариях к актам результаты самостоятельных историко-географических и археологических исследований не умещаются¹¹⁷.

Не всегда, однако, такие исследования выходят далеко за пределы поиска совпадений отдельных черт биографий, что в свою очередь может приводить к досадным ошибкам. Так, личность переводчика Ганса Бракиля («Анцы Брякилева»), служившего в Новгороде в 1611–1617 гг., вызывает многие споры. По мнению комментаторов труда Юхана Видекинда, Бракиль — лифляндский дворянин, наместник Везенберга, получивший при шведах «огромные владения в Новгородской земле» (всего, по подсчетам авторов — 550 четвертей, в частности, 10 декабря 1613 г. конфискованные у Ивана Воинова сына Баранова 35 четвертей)¹¹⁸. Авторы соотносят «огромные поместья» «Анцы Брякилева» с пожалованиями поместьями поляков под Калугой. Следует отметить, что, несмотря на особое место, которое Ганс Бракиль занимал при новгородской администрации, поместье в 550 четвертей не было чем-то из ряда вон выходящим, тем более что пожалованный Брякилеву в то время оклад составлял 700 четвертей¹¹⁹, а большая часть его поместья к 1613 г. была «в Обонежской пятине, и то, государь, от воров от казаков разорено до основанья»¹²⁰.

¹¹⁵ Назаров В. Д. Комментарии // Акты Московских монастырей и соборов. Из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря. М., 1984.

¹¹⁶ Попытка такого комментированного издания источника второй половины XVI в. была предпринята мной в 2000 г. (Селин А. А. Источники по истории сельского расселения XVI в.: Тесовская волость // Попытки по источниковедению. Древнерусская книжность: Редактор и текст. Вып. 3. СПб., 2000. С. 207–232).

¹¹⁷ Чернов С. З. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы. М., 2005 (Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2). С. 10.

¹¹⁸ Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И., Коваленко Г. М. Апология Юхана Видекинда // Видекинд Юхан. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С. 532.

¹¹⁹ Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Деревской пятинны в 1610/11, 1611/12, 1613/14 гг. // RA, NOA. Serie 2:88. Л. 22.

¹²⁰ Дело по челобитью Анцы Брякилева о поместье (без начала) 1613. 10.07 // RA, NOA. Serie 2:17; Дело по челобитью Анцы Брякилева о пожаловании его подгородной деревней Новоселицы в Холынском погосте. 1613. 6.07 // RA, NOA. Serie 2:222. А. Л. Хорошкевич с

Нельзя не отметить важности биографических исследований, содержащихся в специальных справочниках, дополнивших отечественную историографию последних лет, «Словаре книжников и книжности Древней Руси» и близких Словарю изданий. Применительно к рассматриваемой в настоящем исследовании эпохе отметим три статьи, посвященные двум выдающимся деятелям Новгорода эпохи Смуты, — митрополиту Исидору и архимандриту Киприану и принадлежащие Е. К. Ромодановской, Е. В. Крушельницкой и Я. Г. Солодкину¹²¹.

Другие фигуры, действовавшие в Новгороде в Смутное время, также привлекали внимание ученых. Среди них Иван Шваль, которого новгородские летописи и Новый летописец именуют предателем за то, что он 16 июля 1611 г. тайком провел шведов через Чудинцевы ворота в Новгород. Сравнительно недавно личность И. Шваля была рассмотрена в популярной статье П. В. Седова¹²². Впоследствии были предприняты попытки идентифицировать И. Шваля с людьми, упомянутыми в документах Новгородского оккупационного архива. Г. М. Коваленко полагает, что Иван Прокофьев Шваль — «реальное историческое лицо. Во время шведской оккупации он был заметной фигурой в Новгороде. Известно, что в 1612 г. он получил от шведов хлебный паек. В 1614 г. он наблюдал за сбором урожая в Тесове, где был избит и ограблен крестьянами. В 1616 г. надзирал за сбором урожая в Белой. В том же году его человек Харька обвинялся в краже лошадей у кн. Н. Мещерского. В 1615 г. перебежчик из Новгорода назвал его среди самых активных сторонников шведов, целовавших крест Густаву Адольфу»¹²³. Впрочем, здесь ученый путает двух Иванов Прокофьевых, действовавших в Новгороде в 1611–1617 гг., ни одного из которых, впрочем «заметной в Новгороде фигурой» называть не приходится. Иван Шваль лишь дважды упоминается в документах архива Новгородской приказной избы: в июле 1616 г. как голо-

в комментарии к труду Видекинда недоуменно сообщает, что «раздача шведам поместий на новгородских землях в русских источниках не документирована» ([Хорошкевич А. Л.]. Комментарии // Видекинд Юхан. История шведско-московитской войны... С. 581). Видимо, единственным помещиком, которого можно причислить к шведам был именно Бракиль.

¹²¹ Ромодановская Е. К. Киприан Старорусенков // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. Часть 2. СПб., 1993. С. 156–163; Крушельницкая Е. В. Келейный сборник новгородского митрополита Исидора Соловецкой библиотеки № 860/970: Опыт изучения одной энциклопедической компиляции конца XVI века // История в рукописях и рукописи в истории. Сборник научных трудов к 200-летию Отдела рукописей РНБ. СПб., 2006. С. 379–398; Солодкин Я. Г. Исидор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. Часть 2. СПб., 1993. С. 119–122.

¹²² Седов П. В. Интриги Смутного времени, или Как холоп Шваль предал новгородцев // ВИЖ, 1996. № 2. С. 84–89.

¹²³ [Коваленко Г. М.] Комментарии // Видекинд Юхан. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С. 594.

ва сторожи на Славенских воротах (вероятно — служилый человек)¹²⁴ и в августе 1616 г. в упомянутом Г. М. Коваленко деле о краже лошадей из городского стада¹²⁵. Отсутствие данных о Швале в другое время указывает скорее на то, что его не было в Новгороде. Сорока годами ранее, 27 февраля 1577 г. некто Иванко Шваль купил что-то из казны Новгородского Софийского дома¹²⁶. Одинаковое прозвище можно было бы считать простым совпадением, если бы не то обстоятельство, что на связь открывшего шведам ворота Ивана Шваля с Софийским домом указывает его служба софийскому дворецкому Ивану Захарьеву Лутохину. Известия 1612 и 1614 гг., приводимые Коваленко, относятся не к Ивану Швалю, а к другому Ивану Прокофьеву — подьячему Новгородского дворцового приказа, служившему в 1611–1617 гг., остававшемуся на службе в Хлебном столе новгородского Дворцового приказа и в 1621 г.¹²⁷

В настоящее время проблемы социальной истории, истории повседневной жизни русского общества XVI–XVII вв. и, уже, эпохи Смуты подробно разрабатываются как в отечественной, так и в европейской и американской историографии. Важно заметить, что такое исследование может быть чрезвычайно многоаспектным: к примеру, еще в монографии 1982 г. Р. Хелли, работая над историей холопства в России, рассмотрел не только социальный состав, основные пути формирования этой группы, но, к примеру, и статистику встречаемости имен¹²⁸.

Вопросам повседневной жизни различных социальных групп русского общества посвящена серия работ европейских и американских исследователей. В работе Дж. Мартин об экономике Новгородской земли 1580-х гг. — в чем-то альтернативной трудам ленинградских историков-аграрников 1970-х — особое место занимает история частных хозяйств. Не претендуя на изучение проблем повседневной жизни новгородской деревни, автор, между тем, показывает историю помещичьего хозяйства братьев Косицких — Федора, Михаила, Ждана и Петра Борисовичей¹²⁹. Старший из братьев, Федор Борисович, дожил до Смутного времени, он был среди новгородцев, скупавших имущество Михаила Тати-

¹²⁴ Челобитная новгородских посадских людей о пропуске их через Славенскую заставу для косьбы на пустоши под Кирилловым монастырем. 1616. 29.07 // RA, NOA. Serie 2:42. Л. 9.

¹²⁵ Судное дело по поводу кражи лошадей из стада у конюха Радея Семенова. 1616, сентябрь после 17 – 11.10 // RA, NOA. Serie 2:165.

¹²⁶ Отрывки из приходных книг Новгородского Софийского дома. 1577 / Сообщено И. Куприяновым // ВОИДР. Т. 25. 1857. Смес. С. 1–2.

¹²⁷ Сметный приходно-расходный список дворцовых денежных доходов и сборов по Новгороду на 1620/21 г. // Описание Новгорода 1617 г. Ч. 2. М., 1984. С. 268.

¹²⁸ *Hellie R. Slavery in Russia*. Chicago; L., 1982.

¹²⁹ *Martin J. Economic Survival in the Novgorod Lands in the 1580s // New Perspectives on Muscovite History*. Hampshire; L.; NY., 1993.

щева осенью 1608 г. (купил «2 наволоки подушечные тафта китайка лазорева» и седло¹³⁰). Ф. Б. Косицкий, переживший своих братьев, скончался между октябрём 1611 г. и августом 1612 г., вероятно, в своем поместье в Рождественском Бельском погосте Шелонской пятины¹³¹. Анна Яковлевна Косицкая, жена Ждана Борисовича Косицкого, овдовела уже к 1600/01 г.¹³²

Анализ исследований в жанре микроистории, проводимых в европейской и отечественной науке, чрезвычайно важен для данной книги. Вслед за А. Б. Каменским я сознательно отказываюсь от попытки дать определения жанрам «микроистории» и «истории повседневности»¹³³. Вместе с тем следует указать, какие работы этих направлений кажутся ценными для осмысления новгородского общества начала XVII в. Интенсивно микроисторические, историко-антропологические исследования ведутся ныне в трех российских научных центрах – Института всеобщей истории РАН¹³⁴ и Российском государственном гуманитарном университете в Москве и в Европейском университете в Санкт-Петербурге¹³⁵.

Обзор исследований по гендерной истории в современной русской историографии предложен Л. П. Репиной в недавней публикации¹³⁶. Исследователь справедливо подчеркивает, что интерес к детализации истории, к индивидуальному — тому, что раньше считалось «неисторическим», в целом проявляется в отечественной историографии с середины 1990-х. и реализуется в изданиях «Одиссей», «Казус», «Диалог со временем», «Адам и Ева» и им подобных. По мнению ученого, история индивидуального создала тот контекст, в котором микро- и макроанализы могли быть применены одновременно. Изучение того, как культурные традиции, обычаи и взгляды должны были определять человеческое поведение в конкретной жизни, привело к исследованию человеческих поступков. Такие исследова-

¹³⁰ Описание и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВОИДР. Кн. 8. 1850. С. 8, 13.

¹³¹ Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногина и подьячего Никиты Молчанова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:70. С. 37, 55, 100; Обыскные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA, NOA. Serie 1:28. С. 261, 262–265.

¹³² Она записала за себя холопа в Новгороде в 1600/01 г. (Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л., 1938. С. 384).

¹³³ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. С. 19.

¹³⁴ В Институте всеобщей истории интерес историко-антропологические и микроисторические исследования «выросли» из семинаров А.Я.Гуревича и Л.П.Репиной.

¹³⁵ Кром М. М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2000. 2-е изд. – 2004; Прошлое – крупным планом. Современные исследования по микроистории. СПб., 2003; История и антропология. Современные направления в исторической науке. СПб., 2006.

¹³⁶ Repina L. Gender Studies in Russian Historiography in the nineteenth-eighties and early twenty-first century // Historical Research. Vol. 79. № 204. 2006. P. 270–286.

дования фокусировались на изучении экстраординарных личностей или, по меньшей мере, людей, которым необходимо было принимать решения в экстраординарных ситуациях. В русской историографии гендерная и женская история не получили такого распространения, так как здесь это направление — одна из многих попыток уйти от классового и социально-экономического подхода. Пионером в изучении «женской истории» может считаться Наталья Пушкарева. Особенно интересны ее исследования понятия материнства, изменения материнских чувств со временем. Вообще в «русской женской истории» наиболее полно разработанной темой является повседневность и человеческие взаимоотношения.

Еще одно важное направление гендерной истории в русской историографии — исследование девиантного поведения, в частности — содомии и ненормативной сексуальности¹³⁷.

Л. П. Репина справедливо обозначила продуктивную тенденцию в анализе сообщений иностранцев об этих явлениях в Московской Руси, отметив, что подобные свидетельства подвергаются сомнению, т. к. русские — стереотип «другого» для культуры Запада, поэтому с ними и связываются такие девиантные образы. Гендерные исследования, и в отечественной и в европейской и американской историографии, пробужденные «модной» тематикой, не столько спровоцировали новые акценты в исторических исследованиях, но и продолжили историко-биографическое направление, придали ему несколько новую окраску.

В 2006 г. увидела свет книга А. Б. Каменского, посвященная повседневной жизни горожан Бежецка XVIII в.¹³⁸ Атмосфера свободы и неангажированности, характерная для ученых РГГУ, где была подготовлена данная монография, отсутствие формальных рамок — все это позволило А. Б. Каменскому поместить в ней необычно развернутое предисловие. По мнению ученого, занятия микроисторией и историей повседневности, ставшие модными направлениями в современной исторической науке, связаны с общим методическим кризисом, охватившим традиционную историю¹³⁹. Приступая, к еще одной «истории повседневности», Каменский рефлексировал над предметом и методами своих занятий, а также — над конечным продуктом (т. е. над собственно монографией, какой она должна получиться). Так, согласно Каменскому, любое исследование такого рода пестрит обилием

¹³⁷ Зеленина Г. С. Свидетельства иностранцев XVI-XVII веков о москвитях-содомитах // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 3. М., 2002. С. 195-213. Один опыт такого исследования принадлежит и автору этих строк (Селин А. А. Новые материалы о гомосексуализме в Новгороде начала XVII в. // Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы науч. конф. 19–21 февраля 2001 г. СПб., 2001. С. 40–45). Данная публикация получила неожиданно большой отклик в интернет-ресурсах, специализирующихся на гей-проблематике, а позднее привлекла к себе внимание журналистов желтой прессы — «Комсомольской правды» и проч.

¹³⁸ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей...

¹³⁹ Там же. С. 11–12.

имен и подробностей, ничего не говорящих читателю. Однако их, по мнению ученого (которое я полностью разделяю), необходимо все же сохранять, чтобы не сделать труд безличным, а также из уважения к людям, эти имена носившим¹⁴⁰. Неформальный анализ источников — материалов Бежецкого городского архива, оказался продуктивным. Ученый справедливо отметил, что в документах, в особенности в судебных делах, отражаются события эксквизитного, чрезвычайного характера. Семейная жизнь была, вероятно, в большинстве случаев благополучной, но документы сообщают нам лишь о конфликтах. Таким образом, именно конфликты оказываются наиболее информативными. Но неясно, типичны ли они для рассматриваемого общества¹⁴¹. Следуя Каменскому, не в наших силах характеризовать семейные отношения в целом, выявить, какие были типичными, какие нет. Мы можем зафиксировать только что-то, сообщающее о семейных и родительских отношениях. То, что мы знаем, по мнению ученого, является нарушением нормы, частицами «мозаики, из которой не складывается целостной картины»¹⁴². В материалах местного судопроизводства Каменский ищет живую жизнь Бежецка XVIII столетия. Ученый подробно рассматривает челобитные — источник с несомненно формализованным языком, выполненный профессионалами-писцами. Вслед за А. С. Лавровым, А. Б. Каменский пытается рассматривать расспросные речи как *human document*. В этом источнике представлена заведомо неравная ситуация. По А. С. Лаврову, исследовавшему вероисповедные судебные дела XVII–XVIII вв., в расспросных речах отражается противостояние определенной стратегии принуждения (со стороны ведущего дело) и защитной стратегии (со стороны допрашиваемого)¹⁴³.

Самым ярким обобщающим исследованием московского служилого города является работа В. Кивельсон, посвященная дворянству северо-восточных уездов Московского государства и основанная на десятнях середины XVII в.¹⁴⁴ Американская исследовательница пишет о специфических чертах московского служилого люда. Эти люди, по ее словам, избрав на царство Михаила Романова, разъехались по своим уездам, предпочтя свои частные проблемы — малолюдность поместий, несправедливый оклад, неподобающее заслугам место в списке служилого сословия — тем, что стояли перед страной, тогда как в то же время «на Западе средний класс формировал новое понятие о гражданстве, а в

¹⁴⁰ Там же. С. 22.

¹⁴¹ Там же. С. 35–36.

¹⁴² Там же. С. 271–273.

¹⁴³ Там же. С. 42–43, 45–46.

¹⁴⁴ *Kivelson V.A. Autocracy in the province: The Muscovite gentry and political culture in the 17th century. Stanford, 1996.*

соседней Польше знать управляла королем»¹⁴⁵. В. Кивельсон сравнивает выборы губных старост с английскими выборами в парламент до середины XVII в., а Шекспира с Иваном Федоровым¹⁴⁶. «Герои» исследования В. Кивельсон — это ровесники тех новгородцев, кто начал службу около 1605 г., т. е. младшего поколения из тех, что включены в базу данных, подготовленную для этой книги.

В. Кивельсон также отмечает, что личные, неформальные связи в XVII в. играли не меньшую роль в функционировании государства, чем бюрократические правила и процедуры. Персонализация отношений давала возможность провинциалам приспособиваться к сложным взаимоотношениям с представителями центра, а подчас и к столичной жизни. Вместе с тем, по В. Кивельсон, такая система, действовавшая за счет неформальных связей, декларировала (в Уложении 1649 г.) осуждение использования этих связей. Личные связи являлись системной чертой Московского государства при первых Романовых. Двойной стандарт возник из противоречий внутри этой системы. Но не стоит считать непоследовательность государственной политики проявлением бесстыдного лицемерия. Здесь, скорее, мы сталкиваемся с многогранностью системы в переходный период XVI–XVII вв. В. Кивельсон утверждает, что неофициальная московская политика того времени базировалась на «треножнике»: заступничество — благодеяние — милость (причем рядо-полагались милость благодетеля, государя, Богородицы; судьи — в приказе или на Страшном суде — не вынесут справедливого приговора без мольбы о милости)¹⁴⁷.

Крупный центр исследований эпохи Смуты с новых источниковедческих позиций сложился в последние годы в Волгограде вокруг И. О. Тюменцева. Первые работы этого автора были связаны с изучением осады Троицы войсками Сапеги¹⁴⁸. Именно изучение архива Сапеги подтолкнуло автора к более глобальной теме — исследованию всего движения Тушинского вора¹⁴⁹. На обширном актовом материале Тюменцев подробно проследил этапы развития движения и, что кажется нам особенно значимым, региональную специфику движения — то, как в разных уездах и областях Московского государства воспринимались известия о царевиче Дмитрие, с помощью каких механизмов Тушинский лагерь приобретал себе союзников.

¹⁴⁵ Там же. С. 7.

¹⁴⁶ Там же. С. 12, 145.

¹⁴⁷ *Кивельсон В.* Родственные связи и покровительство в провинциальной политике XVII века // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 2. М., 1994. С. 242–252.

¹⁴⁸ *Тюменцев И. О.* Очерки по истории обороны Троице-Сергиевой лавры. Волгоград, 1995.

¹⁴⁹ *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

Важной заслугой И. О. Тюменцева можно считать привлечение новых источников по истории главнейших событий Смуты из шведских и польских архивов. Так, ярким памятником полемической мысли Смутного времени является список сторонников Василия Шуйского, озаглавленный «Московского государства ушники, которые Московское государство в разорение и смуту приводили...», составленный сторонниками Владислава с пометами Льва Сапеги¹⁵⁰. Еще одно важное открытие Тюменцева — реконструкция комплекса архива Яна Сапеги¹⁵¹.

Ученица И. О. Тюменцева, Н. В. Рыбалко пошла по пути просопографического исследования московской бюрократии Смутного времени. Свой метод она сформулировала как «воссоздание реального хода событий путем изучения биографий»¹⁵². Источниками для Н. В. Рыбалко послужили боярские списки, разрядные книги, а также некоторые десятки, в том числе новгородские. Исследовательнице удалось установить родственные связи некоторых новгородских приказных с московскими бюрократами¹⁵³. Единственной ошибкой Рыбалко явилось причисление к «новгородским» дьякам и подьячим приказных новгородского Софийского дома (сведения о них Рыбалко почерпнула из опубликованной в Актах исторических части актов Новгородского Софийского дома). В другой работе Н. В. Рыбалко рассмотрела родственные связи 673 дьяков и подьячих Московского государства 1598–1613 гг., учитывая как их родственные связи друг с другом, так и с дворянскими родами¹⁵⁴.

З. А. Тимошенко в небольшой работе о землевладении Иверского монастыря вновь вернулась к генеалогическим проблемам, связанным с историей сложения одного из монастырских комплексов владений. В 1654 г. к монастырю перешел двор дьяка Михаила Милославского, а позднее и вотчина Милославских в восточном Приильменье. В статье З. А. Тимошенко рассмотрены родственные связи Михаила Милославского — дьяка, взятого в плен Лжедмитрием III в Ивангороде, позднее ставшего дьяком во Пскове и приведшего Псков под власть Романовых с князьями Мышецкими и другими новгородцами — уча-

¹⁵⁰ *Тюменцев И. О.* Список сторонников царя Василия Шуйского (Новая находка в Шведском государственном архиве) // АЕ за 1992. М., 1994. С. 317–319.

¹⁵¹ *Тупикова Н. А., Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е.* Пять писем тушинского гетмана Романа Ружинского из русского архива Яна Сапеги 1608–1610 годов // Вестник Волгоградского ГУ. Сер. 4. История, регионоведение, международные отношения. 2001. Вып. 6. С. 24–33.

¹⁵² *Рыбалко Н. В.* Приказная бюрократия времени царствования Василия Шуйского // Вестник Волгоградского ГУ. Сер. 4. История, философия. 2000. Вып. 5. С. 21–39.

¹⁵³ Новгородец Василий Тихонов Аврамов скорее всего был братом дьяка Разрядного приказа Сапуна Тихонова Аврамова.

¹⁵⁴ *Рыбалко Н. В.* Приказная бюрократия Смутного времени: родственные связи, денежные и земельные отношения // Вестник Волгоградского ГУ. Сер. 4. История, регионоведение, международные отношения. 2001. Вып. 6. С. 43–56.

стниками Смуты (Ивковыми и Языковыми).¹⁵⁵

Нельзя здесь не коснуться работ генеалогического направления, как носящих общий характер, так и посвященных реконструкции отдельных родов новгородцев. Все работы этого рода перечислить невозможно, так как именно эпоха Смуты дала первый пласт документов, повествующих о судьбах множества дворян. Важное место в этом ряду занимает справочник, составленный кн. А. Б. Лобановым-Ростовским¹⁵⁶, пользовавшимся родословными росписями конца XVII в. Основной недостаток этого справочника заключается в том, что в нем подчас отсутствуют ссылки на источники, вероятно, с целью избежать громоздкости. Сказанное может быть отнесено и к широко известному справочнику В. В. Руммеля и В. В. Голубцова¹⁵⁷. В 1886 г. в свет вышел очерк рода Колычевых, написанный в довольно патетических тонах, с несколько назойливым подчеркиванием именно боярской принадлежности рода, но зато основанный на обширном фактическом материале, в ряде случаев имеющий уникальные отсылки к архивным материалам с качественным справочным аппаратом¹⁵⁸. Особое внимание автор уделил новгородским Колычевым — помещикам Шелонской пятины, часть которых в годы Смуты сумела пробиться в московские дворяне. Самым ярким представителем этой фамилии в Новгороде в описываемую эпоху был Полуэкт Матвеевич Колычев, сидевший в Москве в осаде при царе Василии Шуйском, а в 1611–1612 гг. участвовавший в посольстве новгородцев к королю Карлу IX. Существуют также две сравнительно недавние работы, посвященные родам новгородцев — князей Елецких¹⁵⁹ и Мышецких¹⁶⁰ и их родственных связям. В 1994 г. группа ученых РГГУ подготовила работу, посвященную новгородцам Апрелевым; однако она была опубликована лишь в виде поколенной росписи, хотя авторы и отмечали, что в их распоряжении имеется богатая биографическая информация¹⁶¹.

Историография Новгорода Смутного времени

Серия работ об известных деятелях новгородской истории в Смутное время принадлежит Н. В. Мятлеву. Бесценным материалом для истории персоналий эпохи Смутного времени

¹⁵⁵ Тимошенкова З. А. Землевладение Иверского монастыря в XVII веке // Вестник Псковского вольного университета. Т. 3. 2000. № 1–3. С. 12–21.

¹⁵⁶ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Изд. 2-е. СПб., 1895. Т. 1–2.

¹⁵⁷ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886, 1887. Т. 1–2.

¹⁵⁸ Боярский род Колычевых / Сост. М. Л. Б[оде]-К[олычев]. М., 1886.

¹⁵⁹ Селезнев-Елецкий А. В. История происхождения древнего дворянского рода Селезневых. Ч. 1. М., 2006.

¹⁶⁰ Лебединский М. Ю. Хроника рода князей Мышецких. М., 1990–1997. Рукопись не опубликована, доступна в сети Интернет по адресу: www.lib.ru (Библиотека Мошкова).

¹⁶¹ Рикман В. Ю., Сапожников С. А. Генеалогия рода Апрелевых // Генеалогические исследования. М., 1994. С. 247–257.

является, без сомнения, и опубликованная им десятня Водской пятины 1605 г. и предпосланный ей источниковедческий и исторический очерк, рассказывающий об участии многих из дворян 1605 г. (Воина Новокшенова, Никиты Вышеславцова, Василия Трусова и других) в событиях Смуты¹⁶². Еще одна небольшая генеалогическая работа Н. В. Мятлева, базирующаяся на писцовых книгах, посвящена князьям Мышецким, помещикам Ореховского уезда и активным участникам обороны Орешка от шведов осенью–зимой 1611 г., и предкам деятелей старообрядчества Денисовых¹⁶³.

Обширная литература посвящена дьяку Ивану Тимофееву — автору «Временника», жившему и действовавшему в Новгороде в годы Смуты¹⁶⁴. Не буду останавливаться на подробном разборе историографии, связанном с «Временником», но обозначу лишь основные тенденции в литературе последних лет.

В одной из своих недавних работ Л. Е. Морозова, пытаясь анализировать историографию Смуты в трудах ее современников высказала несколько экстравагантную идею. По ее мнению, митрополит Исидор после событий лета 1611 г. и захвата шведами Новгорода «стал вынашивать план создания отдельного Новгородского государства во главе со шведским принцем Карлом Филиппом. Фактически такое государство существовало с июля 1610 (так! — А. С.) г. по 27 февраля 1617 г.». Исследователь считает, что «Временник» Ивана Тимофеева был написан с целью политического обоснования такого государства¹⁶⁵. Представляется, что произведение дьяка, одного из страдательных (в отличие от Пятого Григорьева и подьячего Григория Собакина) элементов приказной бюрократии Новгорода, никак не может считаться обоснованием независимости Новгорода; напротив, мнения дьяка чрезвычайно резки в отношении практически всех фигурантов политической жизни того времени¹⁶⁶.

Новый подход к изучению «Временника» демонстрирует преподаватель Монреальского Университета М. Свобода. По мнению ученого, все ее предшественники игнорировали ту часть «Временника», которая непосредственно касается Новгорода, т. е., по подсчетам М. Свободы, примерно треть памятника. При этом, следуя «Временнику», целью его созда-

¹⁶² Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1911. Вып. 4. С. 435–509.

¹⁶³ Мятлев Н. В. Князья Мышецкие // ИРГО. Вып. 4. СПб., 1911. С. 93–107.

¹⁶⁴ Назову самые главные работы последних лет: Солодкин Я. Г. Иван Тимофеев в Новгороде (Из истории русской публицистики начала XVII в.) // НИС. Вып. 3 (13). Л., 1989. С. 110–123. Он же. Иван Тимофеев сын Семенов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 14–20.

¹⁶⁵ Морозова Л. Е. Смута в России начала XVII в. в сочинениях ее современников // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 1999. С. 249–277.

¹⁶⁶ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. СПб., 1888. С. 135.

ния было именно описание бедствий города. Ученый справедливо полагает, что после 1570 г. Новгород окончательно интегрировался в Московскую державу, а «славные дни города» минули более чем за сотню лет до рождения Тимофеева. По поручению Исидора Тимофеев должен был отредактировать текст присяги новгородцев Карлу Филиппу (здесь М. Свобода следует А. Шёбергу¹⁶⁷). Это немедленно включило его в административную элиту города. Так как Тимофеев был человеком, знакомым с историческим прошлым Новгорода, нельзя представить себе, что он ему была не известна легенда о Белом Клубуке. М. Свобода находит две соответствующие аллюзии во *Временнике*. Впервые Новгород возникает на страницах труда Ивана Тимофеева в связи с описанием похода Ивана Грозного. В этом месте Тимофеев во многом повторяет Новгородскую третью летопись, «красочным гиперболическим языком». Важным обстоятельством, по Свободе, является то, что во *Временнике* не упоминается ни имени царевича Ивана Ивановича, ни о наказании Новгорода Иваном Грозным за какие-то конкретные поступки/измены. Причину этого М. Свобода видит в том, что царевич Иван — законный наследник и, в отличие от греховного отца, не может быть греховен; Новгород же не может быть заподозрен в измене (по концепции Тимофеева). Дьяк — не летописец, а интерпретатор. Его цель — объяснить причины Смуты и выявить «греховную» партию. По Тимофееву, Иван Грозный, Борис Годунов, Василий Шуйский — несправедливые цари, в отличие от Романовых. Тимофеев подчеркивает, что Иван Грозный отверг многих русских советчиков и прибегнул к советам иностранцев, что и привело его к походу на Новгород. За это Господь его и покарал (1571 г. — поход Девлет-Гирея). «Плач о Новгороде» — второе обращение Тимофеева к новгородской тематике. Разорение Новгорода шведами уподоблено разорению Иерусалима Титом. М. Свобода считает, что для Тимофеева образ пророка Иеремии, родившегося во времена, когда Иудея распалась, был актуальным для уподобления. В отличие от Иерусалима, Новгород пал из-за действий «несправедливых» царей. Исследователь подчеркивает нелюбовь Тимофеева к Е. Телепневу и М. И. Татищеву и отмечает следующие библейские параллели: смерть Скопина сопоставляется со смертью Иосифа, а деяния Скопина с деяниями Моисея. Противоречия же между Новгородом и Москвой должны оцениваться в контексте доктрины ап. Павла: «Если один член болит, то болят все члены». Таким образом, Новгород — один из членов тела — сможет вернуться под власть Москвы только тогда, когда произойдет признание роли Новгорода в качестве Нового Иерусалима, в противоположность подавлению города, происходившему при царях Иване IV, Борисе Годунове и

¹⁶⁷ *Sjöberg A. Ivan Timofeev and his Two still Unidentified enemies in Novgorod // Scando-Slavica. Vol. 26. 1980. P. 105–113.*

Василии Шуйском. Новгород, по Тимофееву, представляет собой все, что было утрачено Москвой при «неправедных» царях.¹⁶⁸

Одна из самых трагичных фигур истории Новгорода начала XVII века — Михаил Игнатьевич Татищев, удаленный туда царем Василием Шуйским и убитый новгородцами. Ему посвящена отдельная работа, написанная представителем этого рода, Ю. В. Татищевым в начале XX столетия. Негативное отношение к фигуре М. И. Татищева, как сумел показать ученый, сложилось под влиянием «Временника» дьяка Ивана Тимофеева, в 1608–1609 гг. члена новгородского правительства и явно пристрастного к фигуре Татищева, который, по сути, был лишь жертвой в неудачной политической игре кн. М. В. Скопина-Шуйского¹⁶⁹.

Род Татищевых как отдельный объект исследования был разработан историком начала XX века С. С. Татищевым¹⁷⁰. Скрупулезное исследование ученым не только собственно Татищевых (ветвь которых была испомещена в Шелонской пятине Иваном III), но и их родственных связей на обширном источниковом материале, в первую очередь на материалах приказного делопроизводства, дает современному историку серьезную информацию также о Муравьевых, Скобельцыных и проч. Монография С. С. Татищева — это результат обработки большого массива архивных фондов, рабочий материал к этой монографии сам стал особым архивным фондом РГИА¹⁷¹.

В 1920-х гг. в сборнике «Века» были опубликованы две работы молодых тогда историков, посвященные людям XVI–XVII вв., чья судьба так или иначе была связана с Новгородом. В очерке П. А. Садикова «Царь и опричнина» подробно рассматривалась судьба одного из членов позднейшего опричного правительства Василия Грязного, который, кроме всего прочего, после взятия в опричнину Шелонской пятины получил поместья в Которском погосте. Портрет В. Грязного, нарисованный П. А. Садиковым, многосторонне и ярко пред-

¹⁶⁸ *Swoboda M.* The Place of Novgorod in Ivan Timofeev's Vremennik // Russian History/Histoire Russe. Vol. 25. № 4. 1998. P. 409–428.

¹⁶⁹ *Татищев Ю. В.* Деятели Смутного времени. I. Михаил Игнатьевич Татищев // ЛИРО. Вып. 1. 1905. Позднее к жизнеописанию рода Татищевых Ю. В. Татищев обратился еще в одной работе (*Татищев Ю. В.* Татищевы и Писемские // Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову. М., 1915. С. 70–79). Личность кн. М. В. Скопина-Шуйского, без сомнения идеализирована в русской историографии, где «героический» Скопин противопоставляется «лукавому» Василию Шуйскому. Ср., напр.: *Иконников В. С.* Князь М. В. Скопин-Шуйский: Критико-библиографический очерк. СПб., 1875. Занятно, что в легенде об отравлении Скопина на пиру у Дмитрия Шуйского всячески подчеркивается, что яд подмешала жена Дмитрия Шуйского, дочь Малюты Скуратова (брак с дочерью Малюты Скуратова в романовской и большевистской популярно-исторической литературе всегда ставится в упрек и Борису Федоровичу Годунову — вспомним Пушкина!). Не отражение ли это каких-то чрезвычайно пристрастных мнений первых лет царствования Романовых?

¹⁷⁰ *Татищев С. С.* Род Татищевых. 1400–1900. СПб., 1900.

¹⁷¹ РГИА. Ф. 878. Оп. 2.

ставляет его как неординарного человека, волею судеб приближенного к безумному царю.¹⁷² В очерке С. В. Бахрушина речь идет об уже упоминавшемся мной участнике событий Смуты на Северо-Западе Андрее Палицыне, который был охарактеризован автором как «русский интеллигент XVII века»¹⁷³. Личность Андрея Палицына обрисована в довольно мрачных тонах: в 1608 г. он был послан И. М. Заруцким «от Спаса на Тушине» в Тотьму, в 1610 г. участвовал в посольстве к Сигизмунду как представитель городского дворянства, в то время как его отец, Федор Палицын, служил окольным Псковскому вору. После прихода к власти Романовых А. Ф. Палицын сохранил чин стряпчего и получил воеводский пост в Угличе. В 1614 г. «под его командой образовался отряд казаков с довольно темным прошлым, с которыми он засел в Рамышевском острожке под Старой Руссой, угрожая одновременно и этому городу, занятому шведским ротмистром Вагнером, и самому Новгороду» (речь идет об участии А. Ф. Палицына в боевых действиях кн. Д. Т. Трубецкого под Новгородом). В марте 1614 г Палицын нанес поражение «немецким людям» между Руссой и Новгородом и одновременно оказал поддержку Г. Валуеву в Невеле. В челобитных царю Михаилу Федоровичу Палицын писал: «А брат, государь, мой родной... за твое государское имя от Якова Пунтусова по составам розрезан, а мертвое его тело брошено в Волхов». Это было ложью: Семен Палицын продолжал служить в Новгороде при правительстве Делаярди — Одоевского и получал прибавки к поместным дачам. Он погиб при осаде Тихвина летом 1613 г.¹⁷⁴

Важной характеристикой обоих очерков является то, что, освободившись от созданного при ранних Романовых историографического мифа о «плохих» государях Борисе Годунове и Василии Шуйском и «хороших» Михаиле Федоровиче и патриархе Филарете, и Садиков, и Бахрушин не успели воспринять большевистский историографический миф о глобальном детерминизме классовой борьбы и проч. Не случайно, а характерно замечание С. В. Бахрушина о множестве тушинцев — в частности, Андрее Палицыне, — в правление патриарха Филарета обосновавшихся при дворе и продолжавших делать карьеру. Такое замечание вряд ли было бы уместным в предшествующей историографии и не встречается в историографии советской.

В конце XX в. появились первые исследования Новгорода как служилого города. Важным стимулом для исследования новгородского поместного землевладения явилась деятельность семинара А. Л. Шапиро в 1960–1970-х гг., результатом работы которого явилось из-

¹⁷² Садиков П. А. Царь и опричнина (Иван Грозный, В. Гр. Грязной и их переписка 1574–1576 гг.) // Сб. «Века». Пг., 1924. С. 36–78.

¹⁷³ Бахрушин С. В. Андрей Федорович Палицын (Русский интеллигент XVII в.) // Сб. «Века». Пг., 1924. С. 79–110.

¹⁷⁴ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга... Т. 2. С. 60.

дание четырех томов «Аграрной истории Северо-Запада России». Главной целью исследований большой группы ленинградских историков было крестьянское хозяйство Северо-Запада. Обратившись к исследованию комплекса массовых письменных источников XV–XVII вв., основу которого составляли писцовые книги, тема поместного землевладения, а также персонального состава новгородского дворянства непременно возникала во многих работах участников семинара, создававшихся параллельно с написанием коллективных монографий. В первую очередь следует отметить публикации Г. А. Победимовой, специально исследовавшей весь комплекс делопроизводства Поместного приказа, касающийся Деревской пятины. Результатом наблюдений над этим комплексом явилась специальная статья Г. А. Победимовой, посвященная генеалогии служилого сословия XVI в.¹⁷⁵

В 1990-е годы исследования новгородских писцовых книг продолжились уже в Российском государственном архиве древних актов. Результатом этих исследований стала до сих пор продолжающаяся публикация писцовых книг Новгородской земли XVI в. под редакцией К. В. Баранова. Одновременно А. В. Антонов и К. В. Баранов ведут масштабную работу по выявлению следов частных архивов московских служилых людей в архивах центральных учреждений Московского государства. Эти изыскания принесли много новой информации для понимания обстоятельств сложения новгородского служилого города. Равно значимы и отдельные исследования К. В. Баранова, посвященные родословиям новгородцев, их связям/несвязям с послужильцами московских бояр, родству с новгородскими родами XV в. (здесь, надо сказать, К. В. Баранов, следует той традиции, которая была заложена еще в начале XX в. Н. В. Мятлевым)¹⁷⁶.

В Екатеринбурге недавно вышла в свет работа М. М. Бенцианова, посвященная особенностям формирования новгородского служилого сословия. Важным наблюдением является мысль ученого о том, что и после присоединения Новгорода к Московскому государству в силу специфичности своего положения и его удаленности от Москвы, он сохранял центробежные тенденции, и уже второе поколение местных помещиков вполне осознавало себя новгородцами, чье положение отлично от остального служилого сословия государства¹⁷⁷. Такая самоидентификация новгородского дворянства ярко проявилась и в годы Смуты.

¹⁷⁵ Победимова Г. А. Писцовые материалы Деревской пятины как источник по генеалогии служилого сословия XVI в. // ВИД. Т.14. 1983. С. 59–64.

¹⁷⁶ Баранов К. В. Новые сведения о первых писцовых описаниях Новгородской земли // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 85–97.

¹⁷⁷ Бенцианов М. М. Дети боярские «наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Проблемы истории России. Вып. 3. Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 241–277.

Близкие идеи более развернуто сформулированы в статье А. П. Павлова о специфике новгородской и псковской служилых корпораций. Исследователь подчеркивает, что удаленность северо-западных городов на протяжении XVI–XVII вв. затрудняла проникновение выходцев оттуда в состав Государева двора. Со временем эта тенденция усиливалась. Хотя после Смуты значительная часть новгородцев оказалась записанной в состав дворян московских, это не усиливало, но ослабляло город¹⁷⁸.

В. Г. Вовина-Лебедевой принадлежит обстоятельное исследование Нового летописца – памятника, много места уделяющего истории Новгорода в Смуту. Рассматривая фигуру архимандрита (позднее – митрополита) Киприана, ученый касается проблемы посольства новгородцев в Москву 1615 г. Каясь персонально состава посольства, В. Г. Вовина ищет представителей родов Муравьевых, Боборыкиных, а также упоминаемого Новым летописцем (в редакции Ундольского) в положительных контекстах кн. Н. Я. Мещерского, среди членов Государева двора эпохи Филарета. Как мы покажем ниже, источником для этого отрывка вероятно послужили материалы столбцов Посольского приказа 1615-1617 гг., в которых именно Я. М. Боборыкин, М. Ш. Муравьев и кн. Н. Я. Мещерский постоянно фигурируют в качестве сторонников царя Михаила; вряд ли их родственники в 1630-х гг. оказали влияние на именно такую сохранность архива Посольского приказа¹⁷⁹.

В 1990-е годы группа исследователей в Санкт-Петербургском университете, возглавляемая В. М. Воробьевым, также обратилась к изучению городских служилых корпораций. Однако путь, по которому пошли ученые при изучении, в частности, новгородского дворянства, был не исследованием судеб людей, но, основанным на десятнях и близких к ним по содержанию документах статистическим подсчетом, направленным в первую очередь на установление боеспособности тех или иных городских полков¹⁸⁰. Зачастую эти исследования в ущерб эвристике наполнены ненужной патетикой¹⁸¹. Наиболее важными и основательными работами этой группы представляются исследования Н. В. Смирнова, посвященные преимущественно тверской городской корпорации. Впрочем, его перу при-

¹⁷⁸ Павлов А. П. Новгородское дворянство и Государев двор XVI–XVII веков // От Древней Руси к России Нового времени. Сборник статей к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 140–147.

¹⁷⁹ Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец. История текста. СПб., 2004. С. 312-314.

¹⁸⁰ Смирнов Н. В. Разбор и смотр войска в 1621 году и поместное дворянство // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1999 г. Ч. 2. Великий Новгород, 1999. С. 91–99; Алой А. А. Рязанское и новгородское поместное землевладение в первой половине XVII века // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1999 г. Ч. 2. Великий Новгород, 1999. С. 85–91.

¹⁸¹ Воробьев В. М. Как и с чего служили на Руси в XVII веке (к истории русского дворянства) // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей к 60-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 451–462.

надлежат и обобщающие исследования о боеготовности и обеспеченности всего русского войска¹⁸². Очень фундирована также работа К. Н. Баранова, посвященная кострому служилому городу, основанная на материалах разборной книги костромских служилых людей 1676 г. Важный вывод Баранова заключается в том, что реформа русского войска XVII в. осуществлялась постепенно и в составе традиционной для XVI–XVII вв. организации дворян в служилые города¹⁸³.

Одновременно на историческом факультете Санкт-Петербургского университета проблемы становления русского дворянства разрабатывались И. Б. Михайловой¹⁸⁴. Весомым итогом ее исследований может считаться монография, посвященная служилым людям Северо-Восточной Руси¹⁸⁵. Если оставить в стороне дискуссии о природе русского дворянства, о соотношении понятий «дворяне» и «дети боярские» в XV–XVI вв.¹⁸⁶, исследование И. Б. Михайловой следует оценить весьма высоко. Обилие фактического материала по социальной и персональной истории Северо-Востока, привлеченного и скрупулезно разработанного в монографии ученого, поражают. К сожалению, сообщение о том, что в ходе работы было составлено около 1200 «коллективных портретов» дворянских фамилий, не сопровождается приложением, где бы все эти «коллективные портреты» стали доступны читателю. В то же время я не могу согласиться со всеми построениями И. Б. Михайловой, в частности — с реконструкцией рода Милославских¹⁸⁷, с явной модернизацией, свойствен-

¹⁸² *Смирнов Н. В.* Боевые холопы в составе поместной конницы в первой половине XVI – первой половине XVII в. // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю.Г.Алексева. М.; СПб., 2006. С. 369–382.

¹⁸³ *Баранов К. Н.* Костромской служилый город в 70-е годы XVII в. // Вестник СПбГУ. 2006. Сер. 2, вып. 4. С. 36–39.

¹⁸⁴ *Михайлова И. Б.* Петр Зайцев и Василий Грязной: две судьбы, два пути в опричнину // Университетский историк. Альманах. Вып. 2. СПб., 2003. С. 125–136; *Михайлова И. Б.* Опричник в кругу семьи // Вестник Удмуртского университета. Сер. История. 2004. № 3. С. 49–62.

¹⁸⁵ *Михайлова И. Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV– первой половине XVI века: Очерки социальной истории. СПб., Изд-во СПбГУ, 2003.

¹⁸⁶ По мысли исследователя, страта городских детей боярских тесно связана по происхождению с городскими общинами Древней Руси. Последняя умозрительная конструкция школы И. Я. Фроянова не выдерживает в качестве обоснования критики. Равным образом сильно идеологизированным мне кажется тезис о всеобщем — от великого князя до крестьянина — служении, являвшемся идеей, консолидирующей «городовую общину»/все русское общество (*Михайлова И. Б.* Служилые люди... С. 4, 5). При этом совершенно вне внимания исследовательницы остается монгольское и византийское влияние на социальное членение раннемосковского общества, а преемственность московских институтов по отношению к древнерусским не подвергается сомнению.

¹⁸⁷ В исследовании И. Б. Михайловой известен Лука Иванович Милославский, но его дети (Иван и Давыд, упомянуты в опубликованных А. И. Яковлевым новгородских кабальных книгах) и брат, дьяк Михаил Милославский (известен по справочнику С. Б. Веселовского) и их потомство не отмечены (*Михайлова И. Б.* Служилые люди... С. 130–135, табл. 1.17).

ной суждениям о «приятии» или «неприятии» детьми боярскими политики Ивана IV, с некоторыми терминами, используемыми в монографии¹⁸⁸. Сама методика создания «коллективных портретов», достаточно продуктивна: выше я упоминал об убедительном суждении Б. Н. Морозова и О. Е. Кошелевой о двух важнейших ценностных приоритетах московского дворянства XVI–XVII вв. — роде и службе, сделанном именно на основе анализа таких коллективных биографий. Впрочем, в монографии И. Б. Михайловой этот метод подчас сводится к пересказу генеалогических таблиц, что, может быть, и поучительно, но не наглядно, и что было бы уместно в приложениях, а не в тексте книги¹⁸⁹.

Новгороду эпохи Смуты посвятил серию своих статей Г. М. Коваленко. Его перу принадлежит обзорный очерк деятельности Якова Делагарди в Новгороде¹⁹⁰, большой текст о новгородских переводчиках XVII в.¹⁹¹ Однако на наш взгляд, ценнейший вклад Г. М. Коваленко в исследование новгородского общества той поры заключается в открытии и публикации сообщения М. Клементьева о Московском государстве после избрания Михаила Федоровича¹⁹². Это единственный нарративный документ, вышедший из-под пера одного из рядовых героев новгородской жизни Смутного времени, по своей критичности приближающийся к известной «Повести о земском соборе 1613 г.»¹⁹³

В последние годы большое число работ о новгородцах Смутного времени опубликовала Е. И. Кобзарева. Ее исследования базируются на копиях столбцов Новгородской приказной избы, сделанных для советских ученых в 1960-е годы и хранящихся в ГАРФ. Серия статей Кобзаревой в недавнем прошлом завершилась монографией, защищенной как докторская диссертация¹⁹⁴. Е. И. Кобзаревой принадлежат ценные наблюдения о взаимоотношениях внутри новгородского общества в 1611–1617 гг., о политической истории этого

¹⁸⁸ Так, в поисках лучших синонимов, И. Б. Михайлова употребляет применительно к основателям того или иного рода детей боярских термин «праотцы», что несколько наивно.

¹⁸⁹ По мнению В. Г. Ананьева, метод коллективных биографий, применяемый И. Б. Михайловой, позволяет «по новому взглянуть» на проблему (Ананьев В. Г. Князь Андрей Васильевич Трубецкой: исторический портрет // Вестник СПбГУ. 2006. Сер. 2, вып. 4. С. 31–35). Однако сам Ананьев в своей статье рассматривает биографию одного кн. А. В. Трубецкого в широком контексте источников, в большей степени методически руководствуясь приводимым им тезисом Карло Гинзбурга о том, что «всякая социальная конфигурация является результатом взаимодействия бесчисленных социальных стратегий». Эту-то стратегию Ананьев и пытается выявить.

¹⁹⁰ Коваленко Г. М. Яков Делагарди в Новгороде // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1998 г. Новгород, 1998. С. 88–91.

¹⁹¹ Коваленко Г. М. Новгородские переводчики XVII в. // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 123–128.

¹⁹² Коваленко Г. М. Сообщение М. Клементьева (Русское государство после Смуты глазами новгородского дворянина) // НИС. Вып. 4 (14). СПб., 1992. С. 128–131.

¹⁹³ Повесть о земском соборе 1613 г. // Хроники Смутного времени. М., 1998.

¹⁹⁴ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005..

времени¹⁹⁵. Исследователь пишет о том, что материалы архива Новгородской приказной избы позволяют говорить о проблемах выбора простого человека в Смутное время, выявляют мотивы тех или иных поступков новгородцев в эту непростую эпоху¹⁹⁶.

Особенностью исследований Е. И. Кобзаревой является то, что шведы в них предстают с определенным знаком минус — оккупантами, а сотрудничество новгородцев со шведами рассматривается не просто как компромисс, но как измена. Ученый употребляет обороты: «на службе у шведов», «служит шведам», выглядящие довольно назойливо и пристрастно. Наиболее продуктивные наблюдения Кобзаревой встречаются там, где исследователь вводит в оборот материалы Разрядного архива¹⁹⁷. Вместе с тем Е. И. Кобзарева очень слабо владеет смежным материалом и терминологией. К примеру, неясно, что обозначает именование Василия Ивановича Трусова «судьей по сбору пошлин» — в разное время этот служилый человек и занимал пост судьи, и назначался к сбору пошлин, о судьях же «по сбору пошлин» мне не известно¹⁹⁸. Точно так же сложно понять, что Е. И. Кобзарева имеет в виду, когда именуется чашника В. И. Бутурлина «боярским сыном»¹⁹⁹, каким образом Лжедмитрий I в Москве «беспрепятственно исповедовал католичество»²⁰⁰, можно ли генерала, а позднее фельдмаршала Якова Делагарди именовать «полевым командиром»²⁰¹. Неясно и что исследователь подразумевает под «оплатой шведами церковных богослужений»²⁰². Подчас Е. И. Кобзарева демонстрирует явное незнание источников. Так, она предположительно пишет об одном из участников посольства 1611/12 г. Полуэкте Колычеве: «по-видимому, помещик», добавляя, что о нем «практически ничего не известно»²⁰³.

¹⁹⁵ Кобзарева Е. И. Новгородские служилые сословия в период шведской оккупации города // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1999 г. Ч. 1. Великий Новгород, 1999. С. 80–85.

¹⁹⁶ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода... С. 12.

¹⁹⁷ Кобзарева Е. И. Новгород между Стокгольмом и Москвой (1613–1617 гг.) // ОИ. 2006. № 5. С. 16, 26, прим. 6.

¹⁹⁸ Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 339–381.

¹⁹⁹ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода... С. 110, 119.

²⁰⁰ Там же. С. 229.

²⁰¹ Там же. С. 240 и ранее, 283.

²⁰² Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами... С. 341.

²⁰³ Там же. С. 343. Полуэкт Колычев — помещик Деревской пятины в 1582 г. После смерти отца, Матвея Третьякова Лошакова-Колычева в 1598/99 г., получил 30 июля 1599 г. отцовское поместье, в котором жил с матерью Настасьей. В 1609 г. П. Колычев получил за московское осадное сидение сельцо Колголему в Обонежской пятине; к этому моменту его оклад составлял 750 четвертей (Боярский род Колычевых... С. 124, 151–158). В 1610/11 г., при Владиславе пожалован подмосковной вотчинной деревней Колычевых Густоедовым (Выписка Поместного приказа о владельческой принадлежности д. Густоедово в Московском уезде. 1618–1626 // Акты служилых землевладельцев XV–нач. XVII века. Т. 3. М., 2002. № 540. С. 464). 9 сентября 1611 г. он упомянут как воевода Старой Руссы вме-

Всех участников посольства в Стокгольм Кобзарева обвиняет в том, что они заняли циничную позицию, стремясь к личному обогащению. В частности, она так пишет о дьяке Третьяке Копнине: «возможно, дьяк надеялся на получение вознаграждения (разорившись, Копнин уже в 1612 г. просил выделить ему поместье)²⁰⁴». Цинизм Н. В. Вышеславцева, по мнению ученого, проявился в том, что его поход вместе с Эвертом Горном ко Пскову в июне 1612 г. вызвал голод в городе следующей зимой²⁰⁵, хотя в любом случае голод скорее вызвал бы поход, совершенный осенью. Миссию вяжицкого игумена Геннадия и кн. Ф. Т. Оболенского (которого Кобзарева по какой-то причине именует старостой) в Ярославль летом 1612 г. исследовательница однозначно трактует как безуспешную, добавляя, что «идея сделать Карла Филиппа русским царем оказалась для России неприемлемой»²⁰⁶. Мотивы алчности и меркантильности она усматривает у всех новгородцев, которые участвовали в переговорах со шведами и в посольствах. По мнению Е. И. Кобзаревой, служба шведам, сотрудничество с ними, включая подписание договора 1611 г., гарантировали доступ к некоей «кормушке»²⁰⁷. Так она пишет о Степане Тимофеевиче Горихвостове, участнике посольства в Выборг 1613 г.: «Видимо, он был заинтересован в торговле со шведами — по описи 1617 г. он имел Тихвинский привоз»²⁰⁸. Данное утверждение основано на недоразумении, вызванном неверным пониманием источников: опись Новгорода 1617 г. упоминает привезенный в Ладогу хлеб «Тифинского **приво**зу (выделено мной. — А. С.) Степановой присылки Горихвостова»²⁰⁹. В это время С. Т. Горихвостов служил тихвинским воеводой²¹⁰, и речь в данном отрывке, разумеется, идет о том, что он

сте с подьячим Томилом Сергеевым (Дело о пожаловании в поместье кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому Старорусского Славитинского погоста. 1611, сент. // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 160. С. 278–280). Юхан Видекинд также упоминает о П. Колычеве как о члене посольства 1611/12 г.: «Главами посольства названы были трое, по одному от каждого сословия: Полуект Матвеевич Колычев (Calutzon), Никандр, архимандрит Юрьевского монастыря, и Степан Иголкин» (*Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны...* С. 226).

²⁰⁴ В 1612 г. Копнин не разорился. Если в его челобитной и содержится ссылка на собственное «разорение», то это лишь обычный формуляр челобитной, наверняка составленной не Копниным, а профессиональным писцом (Челобитная Т. Копнина о пожаловании ему семян из сеяной ржи в пожалованном ему изменничьем поместье Павла Клементьева в Деревской пятине. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:306. Л. 2).

²⁰⁵ *Кобзарева Е. И. Шведская оккупация...* С. 241.

²⁰⁶ *Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами...* С. 342–344.

²⁰⁷ *Кобзарева Е. И. Новгородский войсковой смотр 1613 г. // НИС. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 201.*

²⁰⁸ *Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами...* С. 344–345.

²⁰⁹ Опись Новгорода 1617 г. Ч. 1. М., 1984. С. 152.

²¹⁰ Разрядная книга 125 г. // ВОИДР. Т. 3. М., 1849. С. 120; Посольство кн. Борятинского с товарищи в Швецию в 1617–1618 гг. // *Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. СПб., 1897. С. 71.*

прислал в Ладугу хлеб из Тихвина. Слово «привоз» здесь никакого отношения к привозу-базару (типа одесского) не имеет. Неверно утверждение Кобзаревой о том, что лишь «верхушка новгородского духовенства» (к которой исследовательница относит митрополита Исидора и игумена Аркажского монастыря Антония) поставила подписи под приговором 1613 г., «который реально предполагал возможность отделения Новгорода от Москвы», тогда как, по ее же мнению, новгородское духовенство, насмотревшись на насилия шведов, было к тому времени настроено против шведского владычества. Мне представляется, что говорить о каких-то политических противоречиях внутри сословия церковнослужителей Новгорода в 1611–1617 гг. не приходится: во всех документах они выступают с консолидированных позиций²¹¹. Порой Е. И. Кобзарева демонстрирует полное непонимание структуры московского и новгородского общества начала XVII в.. Так, она утверждает, что гости Истома Демидов и Первой Прокофьев заняли «теплые места» в новгородском правительстве, став целовальниками, а один из них — таможенной головой²¹² (Об обременительности службы гостей в Московском государстве написано достаточно. Из работ последних лет следует упомянуть монографию В. А. Аракчеева, в которой подробно рассматривается круг государственных обязанностей псковских гостей в XVII в.²¹³). По мнению исследователя, войско М. В. Скопина-Шуйского в 1608/09 г. в основном состояло из крестьян (на что нет совершенно никаких указаний в источниках)²¹⁴. Не сделав попытку найти упоминания об акторах новгородской жизни начала XVII в. в источниках вне Новгородского оккупационного архива, Кобзарева тем не менее классифицирует новгородский служилый люд. Это приводит к выводам парадоксальным. Так, среди новгородцев исследовательница как особую социальную группу выделяет княжеские роды (объединяя кн. П. И. Пронского, бывшего в Новгороде небольшой период, примерно в апреле – июне 1611 г., и новгородских помещиков в третьем-четвертом поколениях князей Белосельских, Мышецких, Мещерских). Говоря о первом из них, князе Пронском, Кобзарева пишет, что тот никак не участвовал в переговорах и вскоре перешел на сторону Москвы (замечу, что кн. П. И. Пронский уехал из Новгорода, оставив там жену и сына Михаила в апреле 1611 г. и, разумеется, ни в каких дальнейших переговорах со шведами принять участия не мог)²¹⁵. Перечислить все биографические огрехи невозможно. Игнатия Жданова сына Харламова Кобзарева именуется «представителем купечества» (видимо, по сходству его

²¹¹ За исключением, пожалуй, яркой личности хутынского архимандрита Киприана (о нем подробнее в главе 5).

²¹² Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами... С. 347–348.

²¹³ Аракчеев В. А. Средневековый Псков. Власть, общество, повседневная жизнь в XVI–XVII веках. Псков, 2004. С. 253.

²¹⁴ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация... С. 68.

²¹⁵ Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами... С. 348.

фамилии с фамильным прозвищем новгородских гостей Харламовых) и одновременно упоминает о его службе на воеводстве в Порхове. Повествуя о посольстве архимандрита Киприана в Москву в 1615 г., Кобзарева пишет, что Яков Боборыкин «сообщил в Москве, что сопротивление шведам в Новгороде возглавили митрополит Исидор, Большой Одоевский, дьяк Семен Лутохин и князь Микифор Мещерский»²¹⁶. Однако ни о каком сопротивлении шведам экзальтированный новгородский дворянин в Москве не говорил: его подлинные слова звучали следующим образом: «никто так не прямит Государю в Новгороде как митрополит Исидор, да боярин князь Иван Никитич, да дьяк Семен Лутохин, да из дворян князь Микифор Мещерский»²¹⁷. В биографических справках Е. И. Кобзаревой (исследовательница не привлекает даже справочник С. Б. Веселовского «Дьяки и подьячие XV–XVII вв.») также содержатся парадоксальные утверждения. Так, на ее взгляд, Яков Григорьев, шелковник — владелец кабака²¹⁸, равно как и Василий Вышеславцев²¹⁹ (разумеется, до середины XIX в. любой кабак в Московском государстве — государев); в этом же справочнике упомянут некий «Сковороткин, черной игумен Михайловского монастыря»²²⁰, вероятно, игумен Михайлова Сковородкина монастыря. Кобзарева считает, что в октябре 1611 г. против поляков вел боевые действия Тимофей Шаров с казаками, которых было 160 человек²²¹ (Тимофей Шаров был убит при взятии Новгорода шведами 16 июля 1611 г.). По данным исследователя, «Семена Глотова направили со стрельцами вслед за «вором». Семен вышел к шведскому ротмистру Клаусу, который освободил его от службы»²²². В челобитной Глотова (не Семена, а Моисея), сохранившейся в архиве Новгородской приказной избы и использованной Кобзаревой, сказано, что он, служивший прежде Лжедмитрию III и посланный из Гдова с отрядом стрельцов против шведов, дезертировал и вышел к шведскому ротмистру, который не подверг его аресту, а направил в Новгород как перебежчика²²³. Сына боярского Деревской пятины по имени Сотник Веревкин Кобзарева считает стрелецким (казачьим?) сотником²²⁴, а в одном месте даже присваивает

²¹⁶ Там же. С. 352.

²¹⁷ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана с товарищами. 1615. 15.01–15.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 2. Л. 191–192.

²¹⁸ Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами... С. 356.

²¹⁹ Кобзарева Е. И. Новгородский войсковой смотр... С. 203.

²²⁰ Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами... С. 363.

²²¹ Кобзарева Е. И. Новгородский войсковой смотр... С. 195.

²²² Там же. С. 195, прим. 12.

²²³ Челобитная боярам и воеводам Мосея Глотова с сообщением о своем отъезде из Гдова и с

просьбой о вспомоществовании. 1611. 30.12 // RA, NOA. Serie 2:71. Л. 11.

²²⁴ Кобзарева Е. И. Новгородский войсковой смотр... С. 197.

ему имя «Давыд» (?)²²⁵, детей боярских Бачмановых она упорно именует Басмановыми, которых в Новгородской земле в начале XVII в. не было вовсе²²⁶ (по Новгороду служили только их родственники Плещеевы). Абсурдной выглядит гипотеза Кобзаревой о том, что целью новгородцев, поехавших в 1613 г. в Выборг для встречи королевича, было добиться самоуправления и избавиться от Деллагарди. По Кобзаревой, «предполагалось, что Степан Иголкин будет назначен новгородским "офицером", т. е. главой новгородского гарнизона». Как гость мог стать главой гарнизона, совершенно неясно²²⁷. Среди новгородских купцов (которых она огульно относит к приезжим и чуждым Новгороду) исследовательница упоминает «гостя Коковцова» (сын боярский Бежецкой пятины Гость Коковцов) и «Яна Унковского» (сын боярский Обонежской пятины Яков Унковский)²²⁸. Новгородца Деревской пятины Федора Боборыкина Кобзарева именует костромским сыном боярским²²⁹, имя «Мисаил» полагает тождественным «Михаилу»²³⁰, Юхана Делакумбе вслед за русскоязычными источниками начала XVII в. величает Иваном Лукумбовым, считая его одним из новгородцев²³¹, а Генриха и Индрика Горна — разными лицами²³². Принца Карла Филиппа, сына Карла IX, Кобзарева отождествляет с незаконнорожденным сыном того же Карла IX Карлом Карлсоном Юлленъельмом,²³³ осаждавшим Псков в 1616 г. и будущим губернатором Ингерманландии. Перечень таких ошибок можно было бы продолжить.

Явно неудачна попытка московской исследовательницы соотнести лиц, упомянутых в делах Новгородского оккупационного архива с новгородцами — владельцами холопов, известными по опубликованным новгородским кабальным книгам конца XVI – начала XVII в.²³⁴ По ее наблюдениям, в Росписи новгородского войска 1613 г. нет никого, кто владел бы более чем 4–5 холопами по новгородским кабальным книгам, отсюда исследовательница делает вывод о том, что «помещики, наделенные большими поместьями с многочисленными холопами, предпочитали откупаться от шведов»²³⁵. То, что Кобзарева именует

²²⁵ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация... С. 150.

²²⁶ Кобзарева Е. И. Новгородский войсковой смотр... С. 199.

²²⁷ Кобзарева Е. И. Новгород между Стокгольмом и Москвой... С. 20; Она же. Шведская оккупация... С. 293–295.

²²⁸ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация... С. 153, 175.

²²⁹ Там же. С. 236.

²³⁰ Там же. С. 259.

²³¹ Там же. С. 262.

²³² Там же. С. 271.

²³³ Там же. С. 323. Подробнее об Юлленъельме: *Ehrensward U. Carlberg i Ingermanland // Karlbergiana. 1995. Årg. 2. S. 5–7.*

²³⁴ Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л., 1938.

²³⁵ Кобзарева Е. И. Новгородский войсковой смотр... С. 201.

«отказом от службы шведам»²³⁶, вероятно, видя в таком отказе патриотический порыв, с точки зрения этики служилого человека было позорным действием — избеганием службы и нетством. Выводы исследователя парадоксальны: новгородцев на шведской службе оставалось много. И даже когда шведам пришлось прибегнуть к серьезным карательным мерам (имеется в виду высылка из поместий на службу, что практиковали все власти в XVI–XVII вв.), это не привело к массовым отъездам²³⁷.

Исследования Кобзаревой пестрят ошибками историко-географического характера. Описывая условия Тязвинского договора 1595 г., московский ученый употребляет термин «русская Ингерманландия»²³⁸, хотя территория будущей шведской провинции Ингерманландии в то время именовалась Копорским, Ямским и Ивангородским уездами (а также Ореховским, который в 1583–1591 гг. не был зоной шведской оккупации)²³⁹. Город Лух она путает с городом Луга (хотя последний появился только в 1777 г.)²⁴⁰. По мнению исследователя, Бежецкий Верх тождествен Бежецкой пятине²⁴¹; она упоминает неизвестные по другим источникам топонимы Острожек (имя собственное)²⁴², загадочный город Устрица²⁴³; предполагает, что Солецкий погост располагался на подступах к Новгороду (ныне это часть г. Кириши Ленинградской области, примерно в 90 километрах к северу от Новгорода)²⁴⁴ а Водлозеро располагалось в Белозерской области²⁴⁵ (на самом деле — на границе Каргопольского уезда и Обонежской пятины Новгорода; подробнее о Водлозере в главе 5). Ржевский рубеж (т.е. границу Новгородского и Ржевского уездов) Кобзарева относит к району Бежецкой пятины, хотя, несомненно, он относится к Деревской (см. карта 2), а «колмовский рубеж» (верно: «Холмовский», граница Новгородского и Холмского уездов в той же пятине) — к ближайшим окрестностям Новгорода (видимо, от местности «Колмово», к северу от Новгорода, где располагался Успенский Колмов монастырь)²⁴⁶.

Специальные исследования посвящены особой группе новгородских служилых людей, оставшихся после 1617 г. на службе у шведского короля Густава Адольфа (так называемым «байорам» — от русского «боярин», «сын боярский»). Появление таких исследова-

²³⁶ Там же. С. 204.

²³⁷ Там же. С. 204.

²³⁸ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация... С. 8.

²³⁹ Шаскольский И. П. Была ли Россия после Ливонской войны отрезана от Балтийского моря? // ИЗ. Т. 35. 1950. С. 294–303.

²⁴⁰ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация... С. 67.

²⁴¹ Там же. С. 138, 177.

²⁴² Там же. С. 166.

²⁴³ Там же. С. 205–207.

²⁴⁴ Там же. С. 116.

²⁴⁵ Там же. С. 221.

²⁴⁶ Там же. С. 255.

ний связано с тем, что часть потомков этих шведских родов (Аминевы, Пересветовы-Мураты) до сих пор живут в Швеции и Финляндии. Среди генеалогических работ наиболее обстоятельна и критична переведенная недавно на русский язык большая статья датского исследователя Дж. Х. Линда, выпущенная отдельной книгой. Ученый рассмотрел все посвященные этим родам исследования, начиная с XVIII в., и показал, что наибольшее число генеалогических преданий возникло в середине XVIII столетия, в связи с необходимостью шведским дворянским родам доказывать, что утраченные ими в Ингерманландии земли — не жалованные королем, но их родовые владения. Происхождение и внутренние связи «байорских» родов Барановых, Насакиных, Разладиных, Аминевых, Бутурлиных, Калитиных и Рубцовых были изучены досконально, в работе рассматривались и многие обстоятельства попадания этих родов на шведскую службу, преимущественно в годы Смуты²⁴⁷. Впрочем, в исследовании Дж. Линда содержатся некоторые наивные и не соответствующие действительности представления о новгородцах конца XVI – начала XVII в. Так, в начале работы он пишет о мифической «шведской партии», которая была вынуждена после заключения Столбовского мира уйти в Швецию, дабы избежать возмездия от вернувшейся на Новгородскую землю московской власти²⁴⁸. Между тем ничего не известно о том, что новгородское дворянство выступало с *инициативой* (курсив мой. — А. С.) избрания на московский или новгородский престол Карла Филиппа. Оно лишь в 1614 г. сохраняло верность Карлу Филиппу, отказываясь тем самым от присяги Густаву Адольфу. Согласно Дж. Линду, известные по документам архива Новгородской приказной избы Иван Воинов сын, Иван и Лука Михайловы дети Барановы были потомками оказавшихся еще на исходе Ливонской войны на шведской службе новгородских помещиков, что, вероятно, ошибочно. В то же время вполне убедительно наблюдение датского ученого о поместьях Носакиных и Разладиных в Эстляндии в 1584 г. Ученый очень точно оспаривает мнение, бытующее со времен полемики кн. А. М. Курбского с Иваном Грозным, о том, что предпринятые царем репрессии вызвали массовую эмиграцию служилых людей, тогда как в реальности большинство русских служилых людей оказались на шведской службе лишь в начале 1580-х гг., видимо в связи с множественными военными неудачами (а отнюдь не репрессиями). Название деревни Лысково (д. Лыцово Санкт-Петербургской губернии, известная в начале XX в.) он связывает с Иваном Лыском Барановым, новгородским помещиком 1500 г., имевшим братьев Михаила Ягныша и Кирилла Малыша Барано-

²⁴⁷ Линд Дж. Х. Ингерманландские «русские бояре» в Швеции. Их социальные и генеалогические корни. М., 2000.

²⁴⁸ Там же. С. 3–4.

вых Овцыных²⁴⁹, в то время как эта деревня определенно возникла ранее 1500 г. и до помещения здесь Барановых. Датскому исследователю, не знакомому с основным массивом документов Новгородского оккупационного архива, неизвестны некоторые частные факты, такие, к примеру, как отчество Мурата Пересветова (Алексеевич). Многие ошибки Дж. Линда обусловлены слабым знанием русских источников и их терминологии. Так, «полтретьи обжи» он воспринимает не как две с половиной, а как одну шестую, т. е., в переводе с обежной на четвертную меру — 2 четверти, а не 25²⁵⁰.

В исследовании шведского слависта А. Пересветова-Мурата, также опубликованном на русском языке, в целом повторяются основные тезисы Дж. Х. Линда о неродовитости большинства «байорских» фамилий. Здесь в большей степени использованы материалы Новгородской приказной избы и отчасти затронуты некоторые аспекты повседневной жизни (к примеру, развернуто цитируется письмо Олфера Северова в «действующую армию» к Мурату Пересветову)²⁵¹.

Биография еще одной заметной в Новгороде 1611–1617 гг. фигуры — сибирского царевича Алтаная (Алтаней) Кучумовича — рассмотрена в статье А. В. Белякова. По данным ученого, царевич оказался в Новгороде довольно случайно: отправленный из Тобольска в Москву через Вологду, он не смог проехать к столице и тогда, по указанию кн. М. В. Скопина-Шуйского, был отправлен в Новгород. Попытка царевича бежать в Москву из занятого шведами Новгорода вместе с кн. Ф. Т. Черным Оболенским, о которой пишет Беляков, вероятно, была предпринята 14 июня 1614 г., и неудачной она оказалась только для царевича. Заключение после этого в тюрьму царевич Алтаней был обменен на пленного воеводу г. Волмера. После этого Алтаней Кучумович оказался в осажденном шведами Гдове и просидел в осаде восемь недель. После взятия Гдова Густавом Адольфом царевич смог беспрепятственно выехать во Псков²⁵².

Серия работ об облике сельского пространства Северо-Запада в эпоху Смуты и, шире, в конце XVI – начале XVII века принадлежит А. А. Шенникову и Ю. Г. Малкову. Оба уче-

²⁴⁹ Там же. С. 6–7. Такое именование братьев «овечьими» именами сродни рассмотренному Л. И. Успенским случаю с именованием их соседей Линевых — детей Линя — именами «рыбьими» — Сом, Кобяк, Сарыч. Точно также Травины именуют себя «травяными» прозвищами: дети Травы — Иван Осока и Тимофей Скряба, внуки — Григорий Пыррей, Иван Отава, Григорий Вязнела, Семен Дятелина и Щавель (*Михайлова И. Б. Служилые люди...* С. 201–201, прим. 431).

²⁵⁰ Там же. *Линд Дж. Х.* Ингерманландские русские бояре... С. 9.

²⁵¹ *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие *baijor'ы* // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 366–376.

²⁵² *Беляков А. В.* Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени и его судьба // Мининские чтения. Материалы науч. конф. 29–30 октября 2004 г. Нижний Новгород, 2005. С. 21–36.

ных в своих архитектурно-градостроительных изысканиях, обратились к рисункам Антониса Хутеериса, секретаря голландского посольства, отправленного Генеральными Штатами с посреднической миссией для заключения мира между Швецией и Москвой в 1615 г. Особое внимание ученых привлекли две гравюры Хутеериса — одна изображает «боярскую усадьбу» (Тесово)²⁵³, на другой помещен вид участка Ивангородской дороги между Чашинским монастырем и Орлинским погостом, в районе будущей русско-шведской границы²⁵⁴.

История изучения Архива Новгородской приказной избы

Специфика историографии Архива Новгородской приказной избы, в отличие от истории изучения других собраний документов, вышедшими из-под пера московской бюрократии, во многом заключается в том, что архив находится вне пределов России (в 1922–1991 гг. — вне пределов СССР). С этим связаны следующие особенности их изучения:

- во-первых, в представлении заметного числа исследователей эти документы кажутся уникальными (хотя они вполне рядовые, уникальность их в том, что это *собрание* (курсив мой. — А. С.), уникальное по происхождению);
- во-вторых, к ним обращаются люди, как правило, с иной профессиональной подготовкой, нежели большинство исследователей остальных русских архивных фондов;
- в-третьих, уникальность этого собрания для шведских славистов связана именно с доступностью этих источников для изучения, что приводит ученых к интереснейшим выводам (к примеру, о лингвистическом, а не историческом отличии документов «смоленского» происхождения от документов новгородского происхождения). Несомненно, не менее благодарный материал для изучения языковых особенностей находится в иных фондах, но они хранятся в архивах России и поэтому гораздо менее доступны.

Архив Новгородской приказной избы привлекает к себе исследователей с XIX в.²⁵⁵ Первым ученым, обратившимся к его материалам должен быть назван профессор Гельсингфорского университета С. В. Соловьев (выше я упоминал о его роли в разъединении комплекса архивных дел), работавший с коллекцией в 1837–1841 гг.

²⁵³ Шенников А. А. Русское деревянное зодчество начала XVII в. по книге А. Хутеериса // Современный художественный музей: Проблемы деятельности и перспективы развития. Л., 1980. С. 130–143.

²⁵⁴ Малков Ю. Г. Новгородская земля в рисунках Антониса Хутеериса (1615 год) // Древний Новгород. История, искусство, археология. М., 1983. С. 338–353.

²⁵⁵ Полная библиография работ шведских и русских исследователей, связанных с архивом содержится в исчерпывающей статье Э. Лёфstrand: *Löfstrand E. Ockupationsarkivet från Novgorod: en presentation* // Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 119–126.

В 1897 г. обозрение документов Новгородской приказной избы, хранящихся в Швеции, было опубликовано К. Якубовым. Ученый работал в Государственном архиве Швеции летом 1885 г. Им же для шведских и русских архивистов было составлено первое краткое описание коллекции. Шведский текст К. Якубова в 1904 г. лег в основу нового описания²⁵⁶.

Печатный обзор Якубова вплоть до 1960-х гг. являлся одним из основных источников для русских ученых, так или иначе затрагивавших в своих исследованиях проблемы истории Новгорода начала XVII в., а самому Якубову знакомство с архивом дало возможность закончить свой труд о русско-шведских взаимоотношениях в первой половине XVII в.

В небольшой работе о русских документах шведских архивов упомянул и известный историк церкви и публицист А. А. Папков. Лучше всего, видимо благодаря монографии К. Якубова, ему были известны материалы Новгородской приказной избы 1611–1617 гг., хотя он не обошел вниманием и хранящиеся в Королевской библиотеке (Отдел *Utlandska Autografer*) документы более позднего периода, равно как и эпистолярное наследие XVI – XIX вв. в Упсальской библиотеке (*Karolina Rediviva*)²⁵⁷.

На рубеже XIX и XX вв. интерес к русским памятникам, хранящимся в архивах Швеции, проявляет Ю. В. Готье. Ученый впервые вводит в оборот отечественной историографии записки капитана Эрика Пальмквиста²⁵⁸ (откликнувшись на репринтную публикацию этих записок в 1898 г.²⁵⁹). Позднее Ю. В. Готье вступает в переписку с руководством *Riksarkivet*, и ему во временное пользование передается т. н. Смоленский архив — часть коллекции русских документов из замка Ску-Клостер, представляющую собой делопроизводство Смоленской приказной избы времен осады города королем Сигизмундом. Ю. В. Готье тогда же подготовил значительную часть этих документов к печати²⁶⁰, вероятно предполагая продолжать их изучение и далее. Но, как писал один из учеников Ю. В. Готье В. П. Мальцев, «после 1912 г. произошли коренные изменения в русской историографии, изменились и взгляды на историю самого Ю. В. Готье. В 1940 г. он выразил автору этих строк (В. П. Мальцеву. — А. С.) большое сожаление, что не прочел всех тюремных запи-

²⁵⁶ *Berglund A., Zakharov V. V. The Novgorod Mint during the Swedish Occupation 1611–1617. Stockholm, 1983. P. 5.*

²⁵⁷ *Папков А. А. Шведские архивы // РИЖ. 1917. № 3/4. С. 60–72.*

²⁵⁸ *Готье Ю. В. Известие Пальмквиста о России // Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом. Год 7. 1899. № 3/5. С. 65–98.*

²⁵⁹ *Palmquist E. Nögre widh Sidste kongl. Ambassaden till Tzaren i Moskou 1674. Stockholm, 1898.*

²⁶⁰ *Готье Ю. В. Памятники обороны Смоленска (1609–1611 гг.). М., 1912.*

сок в 1912 г., так как в 1940 г. их уже невозможно было снова выписать по почте из Стокгольма в Москву»²⁶¹.

В 1920-х гг. к русским материалам Государственного архива Швеции обратился советский дипломат, позднее — невозвращенец С. Дмитриевский. Им было составлено первое подробное описание документов Новгородской приказной избы и фактически первый каталог архива. Каталог С. Дмитриевского, составленный в 1951–1964 гг., сегодня служит серьезным подспорьем для шведских исследователей при работе над новым каталогом архива.

В конце 1950-х гг. новое поколение исследователей обратилось к документам Оккупационного архива. В 1957 г. появилась первая в СССР публикация, привлекающая внимание к шведским архивам, хранящим источники по отечественной истории²⁶², а вскоре, в феврале – апреле 1959 г. из СССР в Швецию прибыла делегация советских архивистов во главе с Л. В. Черепниным.

Работа делегации в Riksarkivet была чрезвычайно плодотворной. Вскоре Л. В. Черепнин в серии публикаций представил отечественным ученым новый взгляд на документы архива. Уже в первой информационной печатной работе он указал, какой материал дают документы архива для изучения «политических биографий служилых людей»²⁶³. Вскоре Л. В. Черепнин представил и новое описание большей части коллекции Новгородской приказной избы, снабдив его яркими картинками повседневной жизни — о побеге тюремных сидельцев из Тесовского острога в 1616 г., о приказе крестьянам Сумерской волости «очищать» от «шишей» течение Луги (от Яма до Тесова острожка)²⁶⁴. Обзор Л. В. Черепниным коллекции Новгородской приказной избы пестрит ошибками (надо сказать, что ранее ученый не занимался историей Новгорода начала XVII в.): он называет дозорщиками Старой Руссы в 1611 г. Л. И. Милославского и А. С. Висковатого (хотя имя последнего вовсе не встречается в новгородских источниках начала XVII в.), путает названия погостов, считает именование в русских источниках «удельным князем» саксонского герцога «Юла Индрика» (Юлия Генриха), принявшего участие в боевых действиях на стороне Густава Адольфа, признаком «возрождения системы кормлений» (!?). Но значение документов коллекции для реконструкции повседневной жизни, нравственных ориентиров и социального облика новгородцев Л. В. Черепнин определил очень точно, поста-

²⁶¹ Мальцев В. П. Записки о смерти «тюремных сидельцев» в смоленских тюрьмах в 1609—1610 гг. // ИА. 1960. № 5. С. 129–139.

²⁶² Вайнштейн О. Л. Ценные документы по истории СССР в архивах Швеции // Вестник АН СССР. 1957. № 1. С. 82–91.

²⁶³ Черепнин Л. В., Шумилов В. Н., Александрова М. И. Документы по истории СССР и русско-шведских отношений в архивах Швеции // ИА. 1959. № 6. С. 113–126.

²⁶⁴ Черепнин Л. В. Обзор фонда новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме // Проблемы источниковедения. Т. 9. М., 1961. С. 221–257.

вив вопрос о необходимости изучения биографий новгородских дворян, указав на «их изменчивые судьбы в сложных условиях интервенции и острых социальных конфликтов». Особое место в работах Черепнина занял поиск новых сведений о дьяке Иване Тимофееве, чей «Временник» в 1951 г. был заново опубликован О. А. Державиной. Им было обнаружено судное дело, возбужденное дьяком Пятым Григорьевым, всесильным руководителем Новгородского дворцового приказа, против Ивана Тимофеева. Л. В. Черепнин подчеркнул связь между судебными преследованиями, которым дьяк Иван Тимофеев подвергся в Новгороде при шведах, и строками его «Временника», говорящими о злобствовании в Новгороде не только шведов, «иже граз враждебно, яко змиеве, своими зубы держащих» но и «неверных» «же приседят о нас татю в ловителях ко еллинам», которых Тимофеев обвинял в расколе общества. По мнению Черепнина, под этими неверными Тимофеев имел в виду скорее всего новгородских дьяков Пятого Григорьева и Семена Лутохина²⁶⁵. Рассматривая данное судебное дело, Черепнин попытался выявить политическую приверженность его фигурантов. По его наблюдениям, дьяк Тимофеев был врагом и дьяку Ефиму Телепневу (перебравшемуся ко времени завершения «Временника» в Москву и имевшему чины дворянина московского, позднее — думного дьяка), и М. И. Татищеву. Черепнин считает, что «между смертью Скопина в Москве в апреле 1610 г. и затруднениями, с которыми столкнулся Тимофеев, желавший примерно в то же время попасть в Москву, по-видимому, есть какая-то внутренняя связь». Здесь Черепнин склонен вслед за традиционной русской историографией XIX в. идеализировать Скопина. По мнению Черепнина, челобитчики на Тимофеева в апреле 1611 г., в том числе гость Степан Иголкин, входили в число бывших сторонников Татищева²⁶⁶. По какой-то причине Черепнин счел гостя Степана Иголкина, члена Выборгского посольства 1611–1612 гг., сторонником шведской династии²⁶⁷, хотя позиция С. Иголкина на переговорах с королем была совсем не однозначной и даже, как сказали бы советские ученые

²⁶⁵ Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. Т. 7. 1961. С. 454–472.

²⁶⁶ Л. В. Черепнин неточно характеризует взаимоотношения внутри новгородской администрации в апреле 1611 г. вследствие одной ошибочной идентификации. Дело о пропавших образах было возбуждено в ходе проверки дел, оставшихся в приказе после отъезда дьяка Петра Третьякова под Москву. В Новгород бывший тушинский думный дьяк П. Третьяков прибыл осенью 1610 г. вместе с Иваном Салтыковым и уехал в Москву, вероятно, вскоре после его гибели. Говоря о том, что Петр Третьяков и Степан Иголкин — участники посольства 1611–1612 гг. в Стокгольм, Черепнин путает дьяка Петра Третьякова с подьячим Петром Третьяковым Копниным, сыном дьяка Третьяка Копнина, действительно сопровождавшим отца в Стокгольм.

²⁶⁷ Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры...

1960-х гг., «патриотической»²⁶⁸.

Странно, что Л. В. Черепнин уделил внимание в основном личностным характеристикам дьяков в этом противостоянии. С моей точки зрения, данное дело в большей степени характеризует профессиональные качества этих людей. Дьяк Пятой Григорьев действительно сумел уличить дьяка Ивана Тимофеева в некачественной работе, показал себя гораздо более опытным бюрократом. Еще предстоит понять, кто и как 17 августа 1613 г. поручил дьяку Тимофееву, несколько лет остававшемуся в тени Новгородского правительства, ревизовать деятельность Поместного и Дворцового приказов, но сложно сказать, кто в ситуации противостояния больше провоцировал своего соперника: дьяк Григорьев дьяка Тимофеева или наоборот.

В своей поздней работе Андерс Шёберг вернулся к проблеме, захватившей советских ученых в 1960-е гг. — кто же были те самые неизвестные враги Ивана Тимофеева в Новгороде. Интересно, что Шёберг подошел к этому вопросу комплексно, подробно рассмотрев взаимоотношения между новгородскими властями и Швецией, а также Выборгские пере-

²⁶⁸ Так, апологет Якова Делагарди шведский историк XVII века Юхан Видекинд описывает поведение С. Иголкина на аудиенции у Густава Адольфа: «*Неуместная речь новгородского старосты*. Когда те уже собирались это сделать, вдруг бестолково вмешался новгородский староста (в латинском переводе: один из бургомистров) Степан Иголкин (Igolkinus) и спросил, что это еще за присяга? Может быть, они решили совсем покориться шведской власти? Ему-то она столь же противна, как и польская (в латинском переводе: Русские не подчинятся и шведской власти, как не подчинились польской, пока останется в живых хоть младенец в колыбели)» (*Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны...* С. 281–282). По наблюдениям комментатора Видекинда В. Геймана, «очевидно, текст присяги, принесения которой требовали шведы, говорил не о признании Карла Филиппа самостоятельным от Швеции русским царем, а об инкорпорации Новгорода в состав Шведского государства. Инструкция Густава Адольфа от 18 июля 1613 г. шведским сенаторам, сопровождавшим Карла Филиппа и уполномоченным для ведения переговоров в Выборге, предписывала добиваться присоединения Новгорода к Швеции в том случае, если в Выборг придут послы не от всего Московского государства, а лишь от Новгорода... Поэтому речь Иголкина далеко не была "бестолковой", а имела большой политический смысл. Она изложена Г. В. Форстеном несколько в иной редакции, чем у Видекинда: "О какой клятве идет тут речь, уж не намерены ли шведы подчинить русских своей Короне? Но русские так же мало желают отдаться Швеции, как и подчиниться Польше"... Интересную аналогию случаю с купцом Иваном (так у В. Геймана. — А. С.) Иголкиным можно усмотреть в эпизоде, относящемся уже к началу XVIII века. Во времена Северной войны некий купец Иголкин (однофамилец, а возможно и потомок современника Смуты), оказавшись в плену у шведов, убил двоих из них за оскорбительные слова в адрес России и Петра I. По легенде, шведский король Карл XII, изумленный храбростью и патриотизмом Иголкина, отменил вынесенный ему смертный приговор и отправил на родину. Позднее, в 1830-х гг. этот случай послужил сюжетом для картины "Подвиг купца Иголкина"» (*Немировская М. А. Акварель и рисунок XVIII – первой половины XIX века в собрании Государственной Третьяковской галереи. М., 1982. С. 23 — цит. по В. Гейману*).

говору 1613 г.²⁶⁹ Совершенно точно недоброжелателем Ивана Тимофеева был гость Степан Иголкин, которого шведские информаторы о Выборгских переговорах называли «новгородским бургомистром».

Мне кажется, что в Новгороде у Ивана Тимофеева врагов было немало: так, будучи допрошен в апреле 1611 г., он просил не верить показаниям против него, данным ранее дьяками Корнилом Иевлевым и Семейкой Самсоновым, «а оне ему были недрузи»²⁷⁰. Такие слова прозвучали у дьяка в момент подачи на него изветной челобитной всесильным дворцовым дьяком Пятым Григорьевым. Складывается впечатление, что дьяк, находясь в Новгороде без официального статуса, лишенный надежного источника существования, был окружен недоброжелателями. Так, летом 1614 г. Иван Тимофеев бил челом о пожаловании ему ржи. В челобитной писал, что ничем не пожалован, без приказа волочится пять лет, «а к твоему государеву приказному делу, к счоту, волочюсь сязь день рано и поздно пеш»²⁷¹.

Сотрудничество между шведскими и советскими историками в 1960–1970-х гг. шло интенсивно, в особенности в направлении изучения истории XVII в. К 1960 г. был подготовлен и выпущен в свет сборник документов из советских архивов «Русско-шведские экономические отношения» и позднее трехтомник «Экономические связи Швеции и России» (на материалах Государственного архива Швеции). Появились и аналитические статьи, исследовавшие проблему появления в Швеции русских документов. И. П. Шаскольский, виднейший отечественный исследователь русско-шведских связей XVII в., впервые предположил, что Деллагарди вывез документы Новгородской приказной избы в Швецию для личных нужд²⁷².

Вскоре после публикаций Л. В. Черепнина часть архива была копирована для советских ученых, и копии оказались распределены между двумя архивохранилищами — микрофильмы документов первой серии (книги) попали в архив ЛОИИ, а второй — в ЦГАДА. Эти микрофильмы дали новый материал отечественным ученым. После Л. В. Черепнина к копиям материалов Новгородской приказной избы 1611–1617 гг. обращались З. А. Тимошенкова, П. В. Седов и Е. И. Кобзарева.

З. А. Тимошенкова, чье особое внимание всегда привлекали материалы, связанные с

²⁶⁹ *Sjöberg A.* Ivan Timofeev and his Two still Unidentified enemies in Novgorod // *Scando-Slavica*. Vol. 26. 1980. P. 105–113.

²⁷⁰ Дело по изветной челобитной дьяка Пятого Григорьева на дьяка Ивана Тимофеева. 1615, март // RA, NOA. Serie 2:55.

²⁷¹ Челобитная дьяка Ивана Тимофеева о пожаловании ему ржи из изменничьей ржи Богдана Помещикова. 1614, между 24 июля и 31 августа // RA, NOA, serie 2:289. Л. 13.

²⁷² *Шаскольский И. П.* Как оказался в Стокгольме новгородский архив начала XVII века // *Советские архивы*. 1968. № 3. С. 115–117.

Иверским монастырем и соответственно Старорусским уездом, в небольшой статье о новгородских крестьянах в 1611–1617 гг. основное внимание уделила описанию Старой Руссы и ее уезда, хотя в статье содержится и общий обзор других дозоров, составленных при шведах²⁷³.

Два ярких явления эпохи Смуты рассмотрены П. В. Седовым в нескольких работах, основанных на копиях архива Новгородской приказной избы.

Одна из этих работ посвящена Лжедмитрию III, гротескной фигуре Смутной эпохи, значение которой было в том, что в 1611 г. ему присягнуло Подмосковное ополчение, а также города Арзамас, Орел, Рязань, некоторые другие города. Несколько недель «Вор Матюшка» властвовал во Пскове. Архив Новгородской приказной избы сохранил немало косвенных сведений о новгородцах, служивших Псковскому вору и даже входивших в его двор. Эти сведения были обобщены П. В. Седовым. Результатом обобщения стала статья — самое исчерпывающее на сегодняшний день исследование этого движения²⁷⁴. Подчеркну здесь лишь то, что именно со Псковским вором связано возвышение Михаила Милославского, плененного в Ивангороде, перевезенного во Псков и там, вероятно в союзе с Н. Плещеевым и кн. И. Ф. Хованским, участвовавшего в свержении самозванца и присяге псковичей Михаилу Федоровичу.

В двух других статьях П. В. Седова содержится подробное исследование обстоятельств взятия Новгорода войсками Я. Делагарди 15 июля 1611 г. и переговоров, предшествовавших этому событию²⁷⁵. П. В. Седов оперировал целым комплексом синхронных источников, в частности двумя документами из архива Новгородской приказной избы, связанными с делопроизводством новгородского винного погреба за 1610/11 г.²⁷⁶ Эти материалы довольно подробно показывают интенсивность действий новгородского правительства в мае — июне 1611 г. по налаживанию добрых взаимоотношений с Делагарди. П. В. Седов впервые четко выявил роль В. И. Бутурлина в ведении и срыве переговоров в Хутынском монастыре. Интересен взгляд П. В. Седова на личность чашника Бутурлина. В источниках

²⁷³ Тимошенкова З. А. Новгородские крестьяне в период Шведской интервенции в XVII в. // Социально-политическая история СССР. М., Л. 1974. Ч. 2. С. 3–24.

²⁷⁴ Седов П. В. Лжедмитрий III // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 22–33.

²⁷⁵ Седов П. В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. Вып. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 116–127; *Он же*. Интриги Смутного времени, или Как холоп Шваль предал новгородцев // ВИЖ, 1996. № 2. С. 84–89.

²⁷⁶ Эти документы рассмотрены мной в двух работах: Селин А. А. Осколки тушинского двора на Северо-Западе, или Кто и сколько пил в Новгороде в 7119 году // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 4(14). С. 65–67; *Он же*. Политическая жизнь и государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119 году // Palaeoslavica. Vol. 13. 2005. № 1. P. 149–157.

содержатся разные оценки этой фигуры: Новгородская третья летопись и Новый летописец чествуют его как изменника. Но правительство Михаила Федоровича посылает его осенью 1613 г. под Новгород. Хутынский архимандрит Киприан в Москве в 1615 г. в ответ на вопрос о шведских лазутчиках обвиняет его в сношениях с Делагарди во время стояния войска боярина кн. Д. Т. Трубецкого под Бронницами. По мнению ученого, Бутурлин не был склонен к полю брани, но скорее к тайным переговорам, что и проявилось в мае—июне 1611 г. П. В. Седов цитирует строки памфлета на сторонников В. И. Шуйского, повествующие о Бутурлине: «А такого вора и доводчика нет, и на отца родного доводил»²⁷⁷. При этом позиция Бутурлина на переговорах, согласно П. В. Седову, заключалась в том, чтобы любыми усилиями склонить шведов к выступлению под Москву против польского гарнизона. Очень точно ученый характеризует состояние города в середине июля 1611 г. и действия новгородцев в критические дни после перемирия, достигнутого 27 июня. Присланный от ополчения дьяк Афиноген Голенищев еще 8 июля позволил себе открыто угрожать шведам, при том что Новгород был совершенно не готов к обороне. В тот же день новгородцы под прикрытием дыма от подожженных ими предместий напали на шведов. 12 июля 1611 г. последовала «сильная вылазка» новгородцев, вскоре произошел «правильный» штурм города войсками Делагарди. Седовым найдены два синодика Входоиевской церкви Новгородского кремля, в которых записаны имена павших при взятии Новгорода Тимофея Шарова, Афиногена Голенищева, неизвестного Седову Степана Теглева²⁷⁸, которых поминали в течение трех столетий после взятия города.

²⁷⁷ Тюменцев И. О. Список сторонников царя Василия Шуйского (Новая находка в Шведском государственном архиве) // АЕ за 1992. М., 1994. С. 317–319.

²⁷⁸ Степан Теглев — помещик Бежецкой пятины, верстанный на 250 четвертей новичным верстанием в 1596 г. (Лихачев Н. П. Десятилетия новиков, поверстанных в 1596 году // ИРГО. Вып. 3. СПб., 1909. С. 113–209), высланный осенью 1610 г. на службу дворян Бежецкой пятины. (Доездная память Бежецкой пятины Суглицкой волости попа Дмитрия Агафонова о выезде боярских детей на службу в Новгород. 1610. 22.10 // АИ. Т. 2. СПб., 1842. № 304. С. 359). По моим сведениям, он не погиб при взятии Новгорода, 20 августа 1613 г. Степан Теглев привез из Выборга грамоту от Карла Филиппа, написанную 7 августа, в которой тот объявлял о желании присоединения к Новгороду Московского и Владимирского государств (Грамота шведского принца Карла Филиппа новгородским митрополиту Исидору, воеводе кн. И. Н. Одоевскому и земским чинам о принятии мер к истреблению гдовских и тихвинских мятежников и о скорейшей присылке в Выборг уполномоченных от всего государства. 1613. 7.08 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 8–10; Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.). Юрьев, 1913. С. 98). По списку, данному на Москве Ивану Салтыкову, имел оклад в 750 четвертей. По даче 1605/06 г. владел в Бежецкой пятине: с 1597/98 г. в Егорьевском погосте в Минце помещьем Григория Пустошкина; в 1606/07 г. получил 45 четвертей помещья Якима Теглева, в 1610/11 г. — 322 четверти Никиты Мякинина (Дело по челобитью Степана Теглева и Егупа Боборыкина о помещье Антона Лихарева. 1614, до 20.01 // РА, NOA. Serie 2:315). 20 января 1614 г. получил вместе с Егупом Боборыкиным отдельную грамоту на помещье Ан-

Чрезвычайно ценным является наблюдение П. В. Седова о том, что в сообщении Новгородской третьей летописи о взятии шведами Новгорода использована «Повесть о взятии Московском и о пленении земли Руские от царя Тохтамыша» (равно как, по наблюдениям И. О. Тюменцева, в описании Авраамием Палицыным осады Троице-Сергиева монастыря Сапегой использована «Повесть о нахождении Батория под град Псков»)²⁷⁹.

Почти в то же время русские материалы Государственного архива привлекли внимание шведских славистов, прежде всего — Хенрика Бирнбаума, опубликовавшего первое краткое описание коллекции на немецком языке для шведского читателя²⁸⁰, и Андерса Шёберга, которому удалось создать большой коллектив исследователей, до сего дня изучающих русские документы архива.

Андерс Шёберг останавливался и на специальных вопросах накопления архивного фонда. Его перу принадлежит описание трех судебных книг из первой серии архива. Важным замечанием, высказанным Шёбергом, явилось то, что, по его мнению, «практически каждое предложение в документах Оккупационного архива содержит слова, не встречающиеся в более ранних текстах»²⁸¹. Единственной в своем роде является работа Шёберга об общественной бане в Новгороде, основанная на т. н. «банных книгах». Шёберг изучил способ управления баней: кто управлял, по каким дням она была открыта. Важным для ученого, и он это подчеркивал, было то, что мы можем сосчитать число посетителей. К примеру, к 7123 (1614/15) г. число посетителей явно уменьшилось. В течение года больше всего мылись в июне, меньше всего — в сентябре, каждый год явное уменьшение фиксировалось в апреле. Больше всего человек помылось в период между 22 и 27 апреля 1612 г. — всего 1422²⁸².

Небольшая книжка о Новгородском монетном дворе во время шведской оккупации была напечатана в Швеции на английском языке в 1983 г. Она также базируется на материалах Оккупационного архива (четыре книги монетного двора 1610/11 и с декабря 1613 по февраль 1617 гг.). Работа А. Берглунда и В. В. Захарова — прежде всего нумизматическое исследование, однако в нем затронуты и вопросы организации монетной чеканки в

тония Лихарева в Шелонской пятине (445 ч.). По подписной челобитной пошлин с них взято не было (Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 43).

²⁷⁹ Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия... С. 232.

²⁸⁰ Birnbaum H. Novgorodiana Stockholmiensia. I. Zur Bedeutung und Geschichte der Novgoroder Akten des Stockholmer Reichsarkivs // Scando-Slavica. Vol. 10. 1965. P. 154–173.

²⁸¹ Sjöberg A. Three judgment Books in the Novgorod Occupation archives 1611–1617 // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. T. 31/32. 1985 (Slavic Linguistics, Poetics, Cultural history. In honor of Henrik Birnbaum on his 60th birthday 13 Dec. 1985). P. 399–404.

²⁸² Sjöberg A. The Public Sauna in Novgorod 1611–1615 // Scando-Slavica. Vol. 22. 1976. P. 125–138.

Новгороде в 1611–1617 гг.²⁸³. Именно ими было установлено, что в Новгороде существовал особый стол, ведавший денежным делом, в котором в 1613 г. работали шесть подьячих. Важным качеством данной книги является всестороннее исследование проблемы, соотнесение данных книг Новгородского монетного двора с нумизматическими данными, со сведениями о синхронной денежной чеканке в Москве и Ярославле и т. д.

Две ученицы Андерса Шёберга в 1980-е гг. продолжили исследование русских материалов в шведских архивах.

Хагар Сундберг опубликовала две кабальные книги 1614–1616 гг. из коллекции, хранящейся в Швеции. Отметим, что ученый в своей работе рассмотрела не только вопросы языка книг и дала характеристику источника, но и предложила некоторые обобщения. Ее интересовали также место рождения, возраст, пол, предыдущие службы и биография вновь поступающих в холопы и особо — их жизнеописания. По наблюдениям Сундберг, большинство холопов были в возрасте 20–25 лет, многие из поступавших в холопы женщин — вдовы. Всего было учтено 300 имен людей, упоминавшихся в кабальных книгах²⁸⁴.

Большая работа по исследованию архива Новгородской приказной избы проделана Ингигерд Нордландер. В 1987 г. ею были опубликованы сборники купчих (и разрозненные документы этого рода), составленных в Новгороде в 1611–1615 гг.²⁸⁵ Публикации было предпослано исследование, где затрагивались вопросы как источниковедения памятника, так и истории повседневного быта новгородцев. Нордландер обратила пристальное внимание на участников купчих сделок. Особое место в них занимают новгородские церковнослужители; есть среди покупателей также и представители администрации, к примеру, дьяк Андрей Лысцов, скупавший земельные участки близ собственного двора²⁸⁶.

В 1995 г. в сборнике, посвященном памяти Андерса Шёберга, было опубликовано совместное исследование Ингигерд Нордландер и Хагар Сундберг о кабаках, функционировавшим в Новгороде в годы оккупации. Вновь шведские исследовательницы документов архива проявляют интерес к повседневной жизни, описывая такие обыденные явления, как продажа и отпуск водки и пива в трех новгородских кабаках. Ученым удалось выявить яркие факты: так, с августа 1611 по октябрь 1613 г. одним из получателей бесплатного ви-

²⁸³ *Berglund A., Zakharov V. V. The Novgorod Mint during the Swedish Occupation 1611–1617. Stockholm, 1983.*

²⁸⁴ *Sundberg H. The Novgorod Kabala Books 1614–1616. People in Novgorod // Scando-Slavica. Vol. 24. 1978. P. 157–167.*

²⁸⁵ *Nordlander I. Real Estate Transfer Deeds in Novgorod 1609–1619 // Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies. № 18. Stockholm, 1987.*

²⁸⁶ Там же. С. 94–95.

на из Рогатицкого кабака был сибирский царевич Алтаней Кучумович, живший в Новгороде, видимо, с конца XVI в. на положении почетного пленника. Очень важное внимание ученые уделили проблеме снабжения алкоголем войск. Летом 1613 г. водка и пиво посылались в войска, стоявшие в Бронницах, Грузине и на Нередице, летом 1614 г., в связи с подходом к Новгороду войска кн. Д. Т. Трубецкого — в Бронницы. В середине июня 1614 г. особая партия вина и пива была выдана кн. И. И. Одоевскому на дорогу до Ивангорода²⁸⁷.

В 1990-х гг. к исследованию фонда Новгородской приказной избы приступило следующее поколение учеников Андерса Шёберга. Назову здесь работы Лайлы Нордквист, Элизабет Лёфстранд и Пера Амбросиани. Коллектив исследователей, возглавляемых проф. Барбро Нильсон, около десятилетия ведет работу над созданием каталога Новгородского оккупационного архива. Подчеркнем, что в первую очередь шведских ученых интересует язык Новгорода XVII в. Лайла Нордквист специально рассматривает язык челобитных, сохранившихся в архиве²⁸⁸. Последние работы Элизабет Лёфстранд посвящены, кроме всего прочего, людям Новгорода и новгородских пригородов — женщинам Новгорода начала XVII в.²⁸⁹, старорушанам, другим категориям населения. Предметом исследований Пера Амбросиани являются топонимы дозорных книг, хранящихся в Новгородском оккупационном архиве. Хочется выделить одну из работ Амбросиани, посвященную топонимам Введенского Дудоровского погоста. Автор сумел соотнести материалы архива Новгородской приказной избы с широким контекстом источников, создав единственный на сегодняшний день полный комментированный словарь топонимов для одного из погостов Новгородской земли²⁹⁰.

Внимание шведских коллег привлекали в первую очередь документы первой серии, т. е. регулярного приказного делопроизводства, а не акты, содержащиеся во второй серии. Именно эта серия архива описана в уже опубликованной первой части каталога. Выход в свет первого тома описания ввел этот материал не только в шведскую или российскую, но и в мировую историографию.²⁹¹ Первый том каталога архива дополняют «Введение», на-

²⁸⁷ Nordlander I., Sundberg H. The Novgorod taverns during the Swedish occupation // Stockholm Slavic Studies. Т. 24. 1995. P. 139–156.

²⁸⁸ Преимущественно дела 71, 73 и 172 из 2-й серии архива.

²⁸⁹ Лёфстранд Э. Женские судьбы Смутного времени // Чело. 2003. № 1. С. 69–74.

²⁹⁰ Ambrosiani P. Топонимика Новгородской земли в Новгородском оккупационном архиве г. Стокгольма: Дудоровский погост // Swedish contribution to the 13th International Congress of Slavists, Ljubljana. Lund., 2003. P. 15–21 (Slavica Lundensia Supplementis 5).

²⁹¹ Löfstrand E., Nordquist L. Archives of the Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Series 1. Stockholm, 2005.

писанное московским ученым А. А. Туриловым²⁹², и исторический очерк «Смутные годы», созданный Г. М. Коваленко. Взгляд А. А. Турилова на эпоху Смуты своеобразен и оригинален; отмечу, однако, некоторые неточности ученого, касающиеся состава архивной коллекции. Так, по мнению Турилова, список лиц посольства С. Л. Татищева, присланного в Новгород из Ярославля в мае 1612 г., попал в коллекцию случайно, а его место — в коллекции *Militaria*. Однако данный список, входящий в один из столбцов Дворцового приказа, является хозяйственным документом, необходимым для сметы расходов на содержание посольства²⁹³. Таким образом, его место среди дел Дворцового приказа вполне логично. По такому же списку сын боярский Гость Коковцов и подьячий Емельян Елизаров в мае 1612 г. должны были давать послам корм на их обиход²⁹⁴. Особняком стоят рассуждения ученого о причинах нахождения в Новгородском оккупационном архиве неожиданно большого комплекса документов, происходящих из Старой Руссы. По мнению Турилова, наиболее вероятной причиной такого обилия старорусских документов — в особом значении этого города для Новгорода как важнейшего центра производства соли. По мнению Турилова, гораздо более гипотетична версия о том, что другие города Новгородской земли, расположенные ближе к землям Шведского королевства, вскоре после 1611 г. получили прямое шведское управление, тогда как Старая Русса осталась в совместном ведении новгородской и шведской администрации. Впрочем, «тайна» большого числа старорусских документов в коллекции объясняется достаточно просто: Старая Русса была в ноябре 1611 г. передана под прямое управление Дворцового ведомства²⁹⁵, в котором был, видимо, создан особый стол, занимавшийся старорусскими доходами (во всяком случае, большинство дел столбцов 349, 352 и 358–363 на обороте помечены «Старорусский»). Таким образом, существование комплекса документов из Старой Руссы объясняется большей сохранностью документов Дворцового приказа, управлявшегося в 1611–1615 гг. дьяком Пятым Григорьевым.

В очерке Г. М. Коваленко в основном воспроизводится более ранняя работа Г. М. Кова-

²⁹² *Turilov A. Introduction // Accounts of the Occupied City... P. 13–16.*

²⁹³ Роспись жильцам и дворянам и детям боярским — участникам посольства С. Л. Татищева. 1612, май // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 53–55.

²⁹⁴ Роспись ярославских послов и корма на их обиход. 1612, май // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 556–559.

²⁹⁵ Челобитная (отписка) Пятого Григорьева старорусскому воевода Г. А. Муравьеву и дьяку Т. Сергееву с сообщением о подчинении Старой Руссы и 11 старорусских погостов Дворцовому приказу и с требованием прислать в Дворцовый приказ роспись доходов, платившихся в Новгород в 117, 118, 119 и 120 гг. 1611, ноября // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 1; Челобитная (отписка) Герасима Муравьева и дьяка Томила Сергеева дьяку Пятому Григорьеву о том, что дозор уезда и посада Старой Руссы еще не завершен, а также о том, что вскоре будут готовы сметные списки старорусских доходов и расходов за прежние 1608/09, 1609/10 и 1610/11 гг. 1611, декабря после 9 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 21–23.

ленко и В. М. Варенцова о Новгороде²⁹⁶. Обращает на себя внимание то, что ученый не вполне критично воспринимает тезис шведской пропаганды начала XVII в. об интересе испанцев к русской проблеме. Подробно этот вопрос рассмотрен мной в 6 главе настоящей книги.

В последнее время в архивах Швеции выявляются все новые и новые русские документы, которые, однако, не всегда получают грамотный исторический комментарий. Так, в опубликованном на русском языке описании русских документов в коллекции *Militaria*²⁹⁷ допущено много неточностей; на некоторые из них я обращал внимание в своих прежних работах²⁹⁸. В то же время отмечу, что общий взгляд на политическую ситуацию в Новгороде в начале XVII в. претерпел существенные изменения. В большинстве современных исследований, как и в работах Г.А.Замятнина, присутствие шведов на Северо-Западе в эти годы вновь трактуется не как акт агрессии, а как одно из обстоятельств гражданской войны, бушевавшей в стране с начала XVII столетия. Что более важно, воцарение Романовых не считается единственно возможным тогда выходом для страны и не воспринимается конечной точкой войны, на что еще в 1920-х гг. обратил внимание С. Б. Веселовский²⁹⁹.

²⁹⁶ *Варенцов В. А., Коваленко Г. М.* Хроника «бунташного» века. Очерки истории Новгорода XVII века. Л., 1991.

²⁹⁷ *Дрень Л. В.* Русские документы XVI – начала XVII в. в архиве шведской военной администрации Новгорода // НИС. Вып. 7(17). 1999. С. 379–385.

²⁹⁸ *Селин А. А.* Новые материалы о гомосексуализме...

²⁹⁹ *Веселовский С. Б.* Белозерский край в первые годы после Смуты // АРИ. Вып. 7. М., 2002. С. 276–296.

А. А. СЕЛИН

Новгородское общество эпохи Смуты

<http://nwae.pu.ru/?0-314>

Материал предоставлен автором и размещен на сайте Северо-Западной археологической экспедиции Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. профессора Г.С. Лебедева НИИКСИ СПбГУ

<http://nwae.pu.ru>